

Ph.pr.

1409

m

Ph. pot. 1409 m

<36611885090017

<36611885090017

Bayer. Staatsbibliothek

КОДЕКСЪ,

ИЛИ

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЕ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗУМА.

сочиненіе

ЕККАРТСТАУЗЕНА.

И. Ш.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

печатано въ Типографіи Ивана Глазунова

1817 года.

Ph. р. 1409 т

Печаташь позволяешся

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Марта 16 дня 1817 года.

Цензоръ Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.

Михаиловичъ Роговскій

20/01/1964

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РАЗУМА, ИЛИ

Краткое изображеніе того , что
предписываетъ разумъ какъ каж-
дому человѣку въ особенноспи,
такъ и всѣмъ людямъ вообще отно-
сительно ихъ жизни и счастія.

Il est des vérités si frappantes, qu'après les avoir découvertes; on est étonné du nombre de siècles pendant lesquels ont resté enveloppées dans la nuit ténébreuse de l'ignorance, des erreurs et des préjugés.

I. РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА.

Развитіе его способностей, первые лучи свѣта, заря его разума.

Человѣкъ раждается въ свѣтъ слабымъ и безсильнымъ; но мало по малу дѣйствіе органовъ его спановишся ощущительнѣе; сначала обнаруживаешся оно шѣмъ, что онъ дышетъ и чувствуетъ; потомъ начинаешъ имѣть потребности: боль объ нихъ напоминаетъ ему, крикъ изъясняетъ его желаніе; а получивъ то, въ чемъ нуждался, онъ успокоиваешся, наслаждается, вкушаетъ удовольствіе, и такимъ образомъ каждый день проводитъ въ непрерывномъ кругу затрудненій и вспомошествованія, пока наконецъ постепенно возникнутъ всѣ его способности. Тутъ онъ научаешся мыслить; начинаешъ рассуждать; дѣлаешъ наблюденіе надъ всѣмъ, что его ни окружаетъ; примѣчаетъ различныя существа; вспрѣчаетъ между ними себѣ подобныхъ; получаетъ понятія: сравниваетъ, различаетъ, разбираетъ,

и наконецъ разсуждаетъ; но при всемъ томъ о собственномъ своемъ произхожденіи не имѣетъ еще ни малѣйшаго свѣдѣнія.

II. *Употребленіе разума.*

Наконецъ, когда по нѣкоторомъ времени разумъ его приходитъ въ надлежащую зрѣлость; когда разсужденіе его чрезъ многіе повторенные опыты сдѣлается основательнымъ: тогда онъ спрашиваетъ самъ себя: кто я, откуда, когда, какъ и чрезъ кого получилъ бытіе свое? Имѣю ли справедливыя требованія на то, что въ меня? Могутъ ли и другіе имѣть подобныя вразсужденіи меня требованія? Свободенъ ли я? Опъ кого зависишь судьба моя и въ чемъ состоишь мое счастье, или несчастіе?

III. *Познаніе Бога.*

Такимъ образомъ человекъ углубляясь въ свои мысли, говоритъ далѣе: все, что я ни примѣчаю вокругъ себя, произошло не опъ меня; мнѣ едва извѣстно то, чѣмъ я наслаждаюсь. Да и что я знаю о самомъ себѣ? По-

нимаю ли основаніе тѣлеснаго моего сложенія и душевныхъ способностей? Разумѣю ли что ни есть о связи, и что и другое соединяющей?—Итакъ я не самъ себя создалъ; безъ сомнѣнія бытіе мое происходитъ отъ Существа высочайшаго.

IV. Богъ его хранитель.

Сіе высочайшее Существо, называемое Богомъ, промышляетъ о моемъ сохраненіи, дѣлаетъ бытіе мое пріятнымъ, надѣляетъ меня способностями, снабжаетъ всѣмъ, что нужно къ соблюденію моей жизни и въ такомъ Его промыслѣ мудрость и благость оказываются купно съ Его всемогуществомъ.

V. Должность человека къ Богу.

Отсюда слѣдуетъ, что сему высочайшему Существоу — Богу я обязанъ всѣмъ; мои обязанности къ Нему не могутъ имѣть никакихъ границъ, кромѣ тѣхъ, кои Онъ самъ предписалъ существу моему, силамъ моего тѣла и души. Но какъ могу выполнить сію

великую обязанность? И что въ состояніи слѣлашь для Того, Который ни въ чемъ не имѣетъ потребности?

Я повергнусь предъ Нимъ во прахъ и изучивъ Его законы, буду соопвѣтствовать какъ физическому, такъ и нравственному порядку, предначертанному Имъ для согласія и гармоніи міра и существъ. Вотъ главное основаніе всѣхъ моихъ должностей, къ ревностному исполненію коихъ побуждаетъ меня живѣйшее чувство любви и благодарности!

VI. Должности теловѣка вразсужденіи самаго себя.

1. Изъ глубочайшаго уваженія къ воли Того, Который даровалъ мнѣ жизнь, я обязанъ сохранять бытіе мое; для сего

2. Я долженъ надлежащимъ образомъ употреблять данныя мнѣ способности и пользоваться средствами, для сохраненія себя мнѣ предоставленными.

VII. Права теловѣка, произтекающія отъ Бога.

Еслили я имѣю нѣкоторыя права, то имѣю ихъ отъ Бога; на Самого жъ

Бога не имѣю ни единого права. Онъ мнѣ ничѣмъ не обязанъ — Единъ Онъ сдѣлалъ изъ меня то, что я есмь.

VIII. *Права теловѣка въ отношеніи самаго себя.*

Самъ Богъ по щедрости своей вручилъ мнѣ: во *первыхъ*, непосредственное право на сохраненіе себя; во *вторыхъ*, непремѣнное право на употребленіе всѣхъ тѣхъ способностей, которыми Онъ меня одарилъ, и въ *третьихъ*, право пользоваться средствами, чрезъ кои могу обезпечить употребленіе своихъ способностей.

IX. *Естественное счастье теловѣка.*

Главное основаніе моего счастья состоитъ въ ощущеніи бытія моего, въ исполненіи моихъ обязанностей и въ употребленіи правъ — достойная удивленія печать Божественнаго порядка, обезпечивающаго наше счастье чрезъ самое употребленіе нашихъ правъ и обязанностей!

Х. Свобода теловѣка.

Хотѣя господствующій въ природѣ порядокъ безпрестанно спремился ко благу челоуѣка; однакожъ слѣдоваѣть, или не слѣдоваѣть оному Богу предоспавилъ собспвенной нашей волѣ. Но если бы мы въ чемъ другомъ, а не въ наблюденіи сего порядка, спали искаѣть своего счаспія, въ пакомъ случаѣ совершенно забыли бы намѣреніе нашего Создаѣтеля и не соотвѣпспиво-вали бы Его благоспіи.

ХІ. Преступленіе перваго естественнаго закона.

Когда средства, данныя мнѣ къ сохраненію самаго себя, упопреляю я не надлежащимъ образомъ, тогда преступаю пропивъ своей должності и пренебрегаю собспвеннымъ своимъ правомъ, а чрезъ сіе становлюсь преступникомъ и недостойнымъ жизни.

ХІІ. Наказаніе, положенное за сіе преступленіе.

Какъ пакое небреженіе еспъ главное изъ всѣхъ преступленій, то

вскорѣ за онымъ надлежитъ мнѣ возчувствовать болѣзнь; когдаже и самое спраданіе не служишь къ моему исправленію, то преждевременная смерть неминуемо меня поспигаетъ.

XIII. Человѣкъ въ отношеніи къ своему ближнему.

Человѣкъ въ отношеніи къ человеку получаетъ новыя должности и новыя права. Вразсужденіи Бога право принадлежитъ только сему высочайшему Существу, а должности намъ. Богъ имѣетъ неограниченное право на насъ и мы существуемъ единственно для того, дабы исполнять должности, отъ Него на насъ возложенныя.

Чтожъ надлежитъ собственно до насъ самихъ, то права и должности спекающія здѣсь вмѣстѣ и соспавляющъ одно и то же.

Всѣ права и должности человека въ отношеніи къ ближнему имѣютъ непремѣнную взаимность и между собою равны.

XIV. Должности каждого человека вразсужденіи другихъ.

1. Я долженъ уважать безо-
пасность каждого человека, оставляя
его неприкосновеннымъ въ обладаніи
того, что ему также, какъ и мнѣ, да-
но отъ Бога и не препятствовать
свободному употребленію способно-
стей и средствъ, предоставленныхъ
къ его содержанію.

2. Я долженъ, сколько сіе состо-
итъ въ моей власти, вспомошество-
вать другимъ людямъ въ сохраненіи
ихъ имущества, когда собственныхъ
ихъ силъ къ тому недостаточно.

Быть добрымъ, какъ добръ сотво-
рившій насъ Богъ — есть единствен-
ное, истинное средство быть сча-
сливымъ!

XV. Права каждого человека въ отно- шеніи къ другимъ.

1. Я имѣю непосредственное и
непремѣнное право защищать мою
собственность и силу опираясь си-
лою, если кто отваживается напа-
дать на мою собственность.

2. Я имѣю посредственное и условное право на вспоможеніе другихъ людей, дабы они, сколько могутъ, поддерживали меня и помогали мнѣ сохраняя по , что я имѣю отъ Бога, еспли только собственныхъ моихъ силъ къ тому недоспадно.

XVI. Преступленіе.

Когдаже средства, данныя мнѣ на то по конецъ, дабы при случаѣ быть для другихъ полезнымъ, я буду употреблять во зло, употреблять для того, чпобъ или помѣшать своему ближнему пользоваться принадлежащимъ ему, или присвоить себѣ самую его собственность: то чрезъ сіе опять прескупаю должности, наложенныя на меня Богомъ, разрушаю порядокъ, Имъ установленный и дѣлаюсь виновнымъ предъ тѣмъ, кого оскорбляю; а по сему какъ отъ Бога, такъ и отъ людей заслуживаю наказаніе.

XVII. Внѣшнее головѣтское наказаніе.

Хотя человѣческое наказаніе не всегда бываетъ соразмѣрно преспу-

пленію, но за то всегда слѣдуетъ за нимъ непремѣнно. Виновный непосредственно навлекаетъ на себя негодованіе другихъ людей, которые съ сихъ поръ считаютъ его какъ бы уже лишеннымъ всякаго права на ихъ вспоможеніе. Недовольно того, что несправедливымъ образомъ завладѣнное обратило отъ преступника воспребуется; но негодованіе обиженныхъ распространяется еще и далѣе, такъ что нерѣдко доходитъ до излишества.

Къ сему уполномочиваютъ ихъ такъ называемые карательные законы. Суды, установленные къ осужденію злыхъ дѣяній и преступленій, покровительствуютъ и защищаютъ приносящаго жалобу; преступникъ же почти всегда дѣлается жертвою своего преступленія, и если не передается мщенію общества, то по крайней мѣрѣ неоправданно бываетъ принужденъ учиненное имъ зло поправить и несправедливымъ образомъ похищенное возвратить.

XVIII. *Угрызеніе совѣсти.*

Когда виновный избѣгаетъ мщенія людей, то въ замѣнъ того нахо-

дишь въ собственнѣйшей своей совѣсти без-
пристрастнаго и справедливаго судію.
Ничто не въ состояніи погасить пла-
менника, коимъ совѣсть освѣщаетъ
его преступленіе; ничто не въ состоя-
ніи успокоить тѣхъ грызущихъ упре-
ковъ, копорыми она время отъ времени
напоминаетъ ему о его злодѣяніи. Ни-
какое мѣсто на землѣ не можетъ дать
ему убѣжища; даже въ самыхъ царскихъ
чертогахъ совѣсть предстоитъ ему
со всею строгостію праведнаго судіи,
и онъ, какъ бы приговоренный предъ
всеобщимъ судомъ, долженъ сносить
всю тяжесть своего преступленія. —
Онъ не имѣетъ свидѣтелей, но зришь
предъ собою тѣнь обиженнаго, безпре-
станно напоминающую ему о его пре-
ступленіи.

XIX. Божеское наказаніе.

Божеское наказаніе всегда скоро
и неминуемо слѣдуетъ за преступле-
ніемъ, и хотя не такъ видимо, но за-
то тѣмъ съ большею строгостію.
Тщешно беззаконный воображаетъ
себѣ, что смерть покроетъ его злодѣя-
нія мракомъ непроницаемымъ и все
предастъ забвенію: смертію прекра-

щается одна только жизнь его тѣла; духовное же существо, сіе тѣло одушевлявшее, пребудетъ въ руцѣ Божіей, дабы получить мзду, принадлежащую злымъ его поступкамъ.

XX. Дѣбродѣтель.

Когда напротивъ того всѣмъ людямъ, сколько положеніе ихъ обстоятельство и мое собственное допускаетъ, я дѣлаю добро (хотя сія обязанность не есть первая въ ряду моихъ должностей) и при томъ чѣмъ больше и охотнѣе жертвую своими выгодами и потребностями для пользы ближняго: то тѣмъ болѣе пожертвованіе мое пріобрѣтаетъ цѣны; тѣмъ угоднѣе становлюсь я Богу и пріятнѣе предъ людьми; тѣмъ болѣе наконецъ бываю увѣренъ, что и самъ нѣкогда получу соразмѣрную моимъ заслугамъ награду.

XXI. Внѣшнее теловѣтское награжденіе.

Всеобщее уваженіе, признательность и взаимныя услуги отъ другихъ

людей суть преимущественнѣйшая награда за добрыя наши дѣла.

Между тѣмъ не должно думать, чѣмъ люди всегда были сполько благоразумны и отдавали бы должную дань добродѣтели. Случается, и очень часно, вовсе сему пропивное. Однакожь добрый никогда тѣмъ не огорчается: онъ находитъ въ собственномъ своемъ сердце истинную награду за благія дѣла свои.

XXII. Внутреннее удовольствіе.

Когда ничего, кромѣ неблагодарности, не вижу я опъ людей, мною облагодѣтельствованныхъ; когда многіе по ненависти и недоброжелательству своему меня злословятъ и угнѣтаютъ: тогда обращаюсь къ собственной моей совѣсти; одно ея одобреніе наполняетъ всю мою душу сладчайшимъ удовольствіемъ, коимъ всегда можно наслаждаться — удовольствіемъ, котораго никакая человѣческая власть не въ состояніи лишить меня.

Ежели сердце наше свободно отъ упрековъ, то и поступки не заслу-

живають оныхъ: въ душѣ господ-
спвуешь миръ и сей по внутренній
миръ есть самое высочайшее благо.

XXIII. Божеское награжденіе.

Въ то самое время, когда гоне-
нія злыхъ людей меня преслѣдуютъ,
мнѣ остается еще увѣренность, что
Богъ совершенно вознаградитъ меня
за мои спаданія; ибо Онъ справедливъ,
всемогущъ и благъ. За все то,
что я неправедно долженъ сносить
здѣсь отъ другихъ, воздастъ Онъ мнѣ
въ полной мѣрѣ; ни малѣйшее наше
дѣло не забудетъ Имъ забыто: ибо
все записывается въ Книгѣ вѣчно-
спи чертами неизгладимыми. Богъ
даровалъ намъ то, чего мы не заслу-
жили; безъ сомнѣнія и награжденія Его
будутъ выше заслугъ нашихъ.

XXIV. Отношеніе между обоими по- лами: главное основаніе теловѣческаго общества.

Недолго человѣкъ остается одинъ.
Какъ въ радостные, такъ и печальные
часы своей жизни онъ чувспвуетъ,

что ему чего-то не достаетъ, и когда по сердцу своему находишь себѣ жену, то удовольствіе его удвоится. Съ сей минуты спановиція онъ какъ бы сильнѣе и неразрывно привязывается къ своей супругѣ, копорую та же самая склонность влечетъ и къ нему. Ихъ союзъ дѣлается священнымъ. Помогая другъ другу въ трудахъ, они наслаждаются взаимно счастьемъ жизни; что имѣешь одинъ, то и другой; они, кажется, соспавляютъ одно и благополучіе ихъ увеличивается по мѣрѣ питаемой ими другъ къ другу любви.

XXV. Бракъ, естественная причина общества.

Намѣреніе Божеское вразсужденіи мужа и жены распространяется гораздо далѣе. — Дабы сохранить продолженіе человѣческаго рода, Творецъ вселилъ въ каждаго человѣка непреодолимое желаніе къ произведенію себѣ подобныхъ, и дабы оба пола взаимно содѣйствовали къ сей цѣли, Онъ содѣлалъ союзъ сей для нихъ необходимымъ, соединивъ купно съ нѣмъ осо-

бенное удовольствіе—Онъ установилъ бракъ, благословивъ мужа и жену.

XXVI. Слѣдствіе брака—укрѣпленіе общества.

Плодъ сего союза есть воспитаніе дѣтей, въ коихъ отецъ и мать видятъ себя какъ бы нѣкоторымъ образомъ возраждающимися — радостью, для выраженія коей нѣжнѣйшее чувство родителей не имѣетъ никакихъ словъ! Дружество и любовь ихъ укрѣпляется еще болѣе драгоценнымъ залогомъ священнаго сего союза.

XXVII. Попеченіе о дѣтяхъ, первая выгода естественнаго общества.

Естьлибъ человекъ съ самой минуты произхожденія своего на свѣтъ, будучи преданъ единственно самому себѣ, оставался безъ всякой помощи; въ такомъ случаѣ гораздо было бы лучше, чѣмъ онъ вовсе не родился. Но сколько родительское чувство, столько же и самая природа немедленно побуждаетъ мать питать собственною

своею грудью младенца. Исполненіе сей нѣжной обязанности не менѣе и для самой ея полезно; ибо чрезъ то непосредственно облегчается тяжесть ея грудей, предотвращается жестокая опухоль и часто тяжкая болѣзнь, отъ противуестественнаго накопленія молока происходящія. Попеченіе же и заботы матери о младенческомъ возрастѣ своего дитяти доставляющъ ей новыя права на его сердце.

XXVIII. Воспитаніе дѣтей.

Чѣмъ больше дитя подрастаетъ, тѣмъ больше пріобрѣтаетъ сходства съ своими родителями; а отъ сего радость ихъ удвадается и попеченіе о немъ становится дѣятельнѣе; они заботятся о его сохраненіи, помогая въ слабости, поспѣшествуютъ развитію тѣлесныхъ и душевныхъ его способностей, управляютъ дѣйствіемъ оныхъ, показывая своему воспитаннику цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться и поприще, предстоящее ему въ жизни, преподавая вмѣстѣ съ тѣмъ правила

и средства къ безвредному прохожде-
нію онаго.

XXIX. Свобода молодыхъ людей.

Когда молодой человекъ дости-
гнетъ такихъ лѣтъ и силъ, что уже
самъ будетъ въ состояніи промыш-
лять объ удовлетвореніи своихъ по-
требностей; когда онъ совершенно
обучится какому нибудь промыслу,
или работѣ, необходимой для его со-
держанія: тогда освобождается онъ
отъ родительской власти.

Трудолюбіе есть чистѣйшій ис-
точникъ богатства и твердѣйшее осно-
ваніе всѣхъ добродѣтелей; оно укрѣп-
ляетъ тѣло, сохраняетъ здоровье, про-
должаетъ жизнь, прогоняетъ скуку, и
единственно одно только трудолюбіе
въ состояніи сдѣлать для насъ бремя
жизни сей сноснымъ. Самой порядокъ
природы ясно показываетъ, что чело-
вѣкъ съ тѣмъ и рожденъ, дабы тру-
диться.

Праздность напрошивъ носитъ
на челѣ своемъ видимые знаки того,
сколь она презрѣнна предъ Господомъ.
Она есть мать слабости и упоми-
тельной скуки, болѣзней и бѣдности;

богатые сопровождаются ею ко всѣмъ порокамъ, а бѣдные къ пресупленіямъ. Трудъ есть топь цвѣтъ моли, который Боги даровали Улиссу для защиты его отъ сѣшей измѣнническихъ волшебницъ. Онъ чувствовалъ, что на Оспровѣ Калипсы сердце его сдѣлалось слабо; напрошивъ же того труды и бури морскія опять возвращали ему потерянное мужество.

Праздность дѣлаетъ Егиспа преступникомъ и убійцею, а труды сохраняютъ Пенелопу непорочною и вѣрною къ своему мужу, не взирая на толпу окружавшихъ ее соблазнительей. Такъ часто въ баснѣ Древнихъ подъ чувственнымъ образами скрывается чистѣйшее нравоученіе!

XXX. Попеченіе о старости, вторая выгода общества.

Способности отца и матери мало помалу ослабѣваютъ; силы ихъ истощаются, и наконецъ приходитъ время, въ которое они пребываютъ подпоры въ своей немощи, время, когда они должны ожидать справедливаго возврата тѣхъ благодѣлій, кото-

рыя чрезъ сполько лѣтъ оказывали своимъ дѣтямъ.

Дѣти же, по влеченію самой природы привязанныя къ виновникамъ бытія своего, и какъ по разуму, такъ и по сердцу совершенно имъ преданныя, съ нѣжностію заботятся во время старости своихъ родителей и ревностно стараются дѣлать все для нихъ удобное. О сколь счастливъ поэтъ, коимъ наилучше умѣетъ исполнять священную сію обязанность!

Онъ умножилъ во внутренности своего сердца сокровища собственнѣйшей совѣсти, сокровища самыя драгоценнѣйшія и никогда отъ него неопъемяемыя.

XXXI. *Благосостояніе семействъ.*

Нѣтъ ни одного человека на свѣтѣ, который бы всегда и во всякомъ возрастѣ могъ быть самъ собою доволенъ и не нуждался въ помощи другихъ. Дѣтя содержатся отъ своего отца; старикъ получаетъ помощь отъ сына; юноша оказываетъ старику такія же услуги, какія онъ и самъ нѣкогда получалъ отъ него, и

помогаешъ дѣтямъ, въ надеждѣ опъ нихъ подобнаго вспоможенія. На семъ двойномъ основаніи пребываетъ общеспиво, называемое семейспвомъ.

Опець еспъ еспеспивенный онаго начальникъ; жена, какъ его помощница, раздѣляетъ съ нимъ одинакое уваженіе; всѣ дѣти суспъ драгоцѣнные члены сего общеспива; онѣ помогающъ другъ другу взаимно, и согласно раздѣляя между собою работы и труды свои, облегч ющъ чрезъ то бремя каждаго; удовольспвіе ихъ дѣлается въ двое пріятнѣе и жребій всѣхъ несравненно счастливѣе того, когда бы всякой изъ нихъ жилъ опдѣльно.

XXXII. Слѣдствіе рожденія.

Человѣкъ оканчивая свое поприще, съ большимъ спокойспвіемъ распаешъ съ сею жизнью, когда умираешъ въ радоспной увѣренности, что другому своему я оставляешъ надежду къ пріятнѣйшей будущности. Имѣніе опца еспеспивеннымъ образомъ переходитъ къ дѣтямъ. Сіе опеческое наслѣдство, которое легче сохранить, чѣмъ пріобрѣсти, уменьшаетъ бремя трудовъ новой главы семейспва, освобождаетъ

его опъ многихъ жишнейскихъ заботъ и даетъ его разуму свободнѣйшій по-
леть. Онъ легче исполняетъ свои дол-
жности, лучше пользуется своими
правами, больше наслаждается ща-
стїемъ и годъ опъ году укрѣпляется
и распространяется въ своемъ благо-
состояніи.

XXXIII. Умноженіе семейства.

Поелику могутъ быть многіе
братья одного семейства; по при-
вступленіи въ мужескій возрастъ каж-
дый изъ нихъ беретъ въ соудницы
себѣ жену, опъ чего производятся
новыя семейства.

Опсюда не посредственно наспо-
ишь необходимость, дабы братья сіи
другъ опъ друга опдѣлились; почему
къ облегченію своего содержанія одни
идушь и поселяюпся въ шой, а другіе
въ иной странѣ, такъ что въ семь
разсѣяніи шруды ихъ уже не могутъ
быть общими и опцовское имѣніе
между ними раздѣляется.

XXXIV. Отношеніе одного семейства къ другому.

Взаимныя обязанности и права
каждаго семейства суть тѣ же самыя,
какія человѣкъ въ особенностяхъ обязанъ
наблюдать относительно другаго. Въ
предстоящей нуждѣ подавать взаи-
мную помощь и паче всего никогда
не причинять другъ другу вреда—вопѣ
все содержаніе естественнаго права.

XXXV. Политическое общество мно- гихъ семействъ.

Умноженіе людей не могло одна-
кожъ изпребитъ изъ ихъ памяти,
что они всѣ происходятъ отъ одно-
го начала. Многія семейства для сего
согласились составить изъ себя об-
щество, которое хотя и не такъ тѣ-
сно соединяетъ ихъ между собою,
какъ семейство одного отца, одна-
кожъ для всѣхъ равно приноситъ ве-
ликую пользу.

Каждое семейство особенно имѣ-
етъ свои обязанности, права и собствен-
ность, кои должны быть извѣстны
и всѣмъ членамъ онаго, дабы каж-
дый безъ малѣйшаго вреда, или ущер-

ба могъ наслаждаться своимъ благососпоиіемъ.

XXXVI. *Первоначальная собствен- ность.*

Какъ скоро полипическое общество поселяеиша на удобнѣйшей почвѣ земли, то каждый членъ онаго принимаетъ на себя обязанность обрабатывать и удобрять доставшійся ему удѣлъ: тогда плоды работы сей не только каждый собираетъ особенно, но и самая обрабатываемая земля дѣлается уже собственностію того, копорый первый употребилъ для удобренія оной пруды свои.

Границы таковыхъ владѣній уи-верждаются *Правомъ гражданскимъ*, копорое есть ни что иное, какъ только дальнѣйшее распространение *Права естественнаго*.

XXXVII. *Цѣль политическаго обще- ства.*

Существенная цѣль каждаго полипического общества и купно главное начало всѣхъ гражданскихъ договоровъ состоитъ въ томъ, дабы

обезпечивъ для каждаго полное право пользоваться душевными и плѣсными своими преимуществами, доставить чрезъ то, всѣмъ гражданамъ вкупѣ и порознь наибольшее естественное счастье.

XXXVIII. *Общественныя деньги.*

Для удобнѣйшаго достиженія сей цѣли учреждается общественная казна,—источникъ государственныхъ силъ и богатства. Къ заведенію оной должны способствовать всѣ члены общества въ справедливой и опредѣленной для каждаго мѣрѣ какъ личною своею службою, такъ и имуществомъ.

XXXIX. *Личное вспомоществованіе.*

Всѣ граждане или поочередно оправаляють личную службу, необходимую для защищенія общества и соблюденія въ ономъ порядка, или вносять вмѣсто того добровольную и нуждамъ Государства соразмѣрную подать.

XL. *Денежное вспоможеніе.*

Дабы вещественное, или денежное вспоможеніе (подасть) каждаго члена

общества было разпредѣлено уравни-
тельно и безъ запрудненія, сколько
возможно проспѣйшимъ образомъ,
могло быть собрано, для сего надле-
житъ налагать оное не на движимое
имѣніе и случайныя какія попотребно-
сти — не на торговлю и искуства; но
единственно только на недвижимое
имѣніе, состоящее въ произведеніяхъ
земли, къ которой все имѣетъ суще-
ственное отношеніе, и которая по-
тому доставляетъ самыя вѣрныя
доходы. Каждое имѣніе сего рода
оцѣнилась единообразно, полагая на-
примѣръ отъ 100, до 1000, и не взи-
рая при томъ ни на чинъ, ни на со-
стояніе владѣльцовъ.

XLІ. Употребленіе общественной казны.

Общественная казна должна быть
собираема сколько возможно меньше ко-
свеннымъ, но больше прямымъ путемъ
и безъ всякаго оплагательства, отъ
коего она можетъ совершенно раздро-
биться. Управленіе оной поручается
людямъ надежнымъ и вѣрнымъ, добропо-
рядочной жизни и заслуживающимъ
единогласное одобреніе своихъ сограж-
данъ. Сіи обязываются ввѣренныя имъ

деньги употреблять съ бережливостію, къ соблюденію безопасности и спокойствія Государства и на общепользныя учрежденія, споспѣшествующія умноженію народа, земледѣльству, промысламъ, искусствамъ, нравамъ и религіи, и на всякой случай для непредвидимыхъ государственныхъ потребностей сохранять нѣкоторые оныхъ избытокъ въ готовности. Но ни подъ какимъ видомъ не должно допускать къ храненію общественнаго богатства людей празднолюбивыхъ, пронырливыхъ и плутихъ, какого бы они роду и состоянія ни были.

XLII. Безопасность Государства.

Безопасность Государства пребуется, чѣмъ всегда были готовы у него силы для защиты отъ внезапнаго нападенія непріятелей, къ чему принадлежатъ разныя военныя орудія и снаряды, сильныя руки, истинная храбрость и воинская дисциплина, сообразная съ достоинствомъ воина и человека. Надежнѣйшее средство побуждать состоитъ въ томъ, чѣмъ больше стараться о выборѣ солдатъ, чѣмъ о множествѣ ихъ. Государство, исчи-

сляющее силы военнаго своего состоянія по одному числу войскъ, очень—а иногда и слишкомъ опасно—можетъ ошибиться.

Благоразуміе дѣлаетъ военныя приготовления необходимыми; упопребленіемъ же оныхъ должна распоряжатъ одна только справедливостъ.

XLIII. Спокойствіе Государства.

Правительсво и полиція суть двѣ почки покоя и пишины. Первое опвращаетъ всѣ несправедливости корысполубія; а другая предупреждаетъ непорядки, которые легко въ Государствѣ водворяются, какъ скоро не бываетъ за народомъ благоприспойнаго надзора.

XLIV. Правительство.

Правила справедливости суть не-премѣнны; природа глубоко впечатлѣла ихъ въ сердца каждого; простыя законы ясно открываютъ ихъ народу, а правдивое начальсво по особымъ обстоятельствамъ при всякомъ случаѣ дѣлаетъ надлежащее къ онымъ примѣненіе.

Симъ способомъ прикрывается безопасность лицъ, защищается соб-

спвенность, утверждающія договоры и исправляющія пороки и преступленія.

XLV. *Полиція.*

Полиція стараясь о сохраненіи порядка, тщательнo замѣчаетъ движеніе и пищу народа, заботится о средствахъ продовольствія и строго преслѣдуетъ всѣхъ монополистовъ. Она употребляетъ сперва предостерегательныя увѣщанія, потомъ справедливыя приказанія, а наконецъ принужденіе, чѣмъ блaго разумно предотвращаетъ всѣ безпокойства, непорядки, заговоры, возмущенія, заразу, разпространяющійся недосыпокъ въ припасахъ и даже самыя народныя чеголбо опасенія, кои иногда могутъ имѣть весьма вредныя слѣдствія.

XLVI. *Общественныя заведенія.*

Всѣ остатки общественныхъ доходовъ за удовлетвореніемъ обыкновенныхъ потребностей Государства, должны быть обращаемы къ общественному употребленію, какъ то: на строеніе, содержаніе, возобновленіе и поправку церквей, судебныхъ

зданій, госпиталей, арсеналовъ, училищъ, магазейновъ, улицъ, мостовъ, каналовъ, рѣкъ, плотинъ и проч. также на произведеіе опытовъ, опкрышій, и вообще на всѣ полезныя учрежденія.

XLVII. Источники вспоможенія въ особенныхъ случаяхъ.

Что за симъ отъ государственныхъ доходовъ сохраняется, то во время всеобщей нужды составляетъ возделенное пособіе и первый источникъ вспомогапельныхъ средствъ. — Остановка общественныхъ работъ, сбереженіе употребляемыхъ на то издержекъ и обращеніе сихъ самыхъ денегъ и дѣятельности въ пользу предстоящей нужды составляетъ второй источникъ немедленной помощи: такимъ образомъ Государство рѣдко, даже въ самыхъ непредвидимыхъ несчастныхъ обстоятельствевахъ, доходитъ до печальной необходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ, большею частію налагаемыхъ на тотъ классъ людей, кои работая ежедневно отъ 8 до 10 часовъ для наслажденія другихъ, едва сами имѣютъ только нужнѣйшее

для удовлетворенія необходимыхъ своихъ потребностей и жизненнаго содержанія.

XLVIII. Размноженіе народа.

Общество тѣмъ болѣе приходитъ въ цвѣтущее состояніе, чѣмъ многочисленнѣе, сильнѣе и дѣятельнѣе становится въ своей промышленности. Мудрое правленіе доставляетъ каждому гражданину средства къ содержанію дѣтей, награждая прилѣжаніе и вливая въ сердца всѣхъ любовь къ умеренности. Оно всѣми мѣрами старается способствовать народному размноженію, покровительствуя преимущественно брачному состоянію и отдавая оному все уваженіе, какого только свяществу его опъ насъ пребудетъ; наипаче же наблюдаетъ соотвѣтственный выборъ между обоими полами, дабы они были способны къ дѣтворенію — эпоху, которую самый гласъ природы довольно явственно намъ означаетъ.

При сихъ способахъ никогда не будетъ надобности пользоваться ни хитростію, чѣмъ въ землю свою привлечь чуждыхъ поселенцевъ, ни невольническимъ принужденіемъ, дабы

удержать гражданъ въ своемъ опечесствѣ. Счастливая спрана сама собою призоветъ къ себѣ первыхъ; а довольство и миръ крѣпчайшими узами привяжутъ послѣднихъ къ благополучной ихъ родинѣ; всѣ граждане будутъ одушевляясь единымъ духомъ любви къ своему опечесству и стремленія къ общеспвенному благу.

XLIX. Земледѣліе.

Земледѣліе тщательно собираетъ плоды какъ посредспвенно землею приносимые, такъ и получаемые отъ нея чрезъ прудолубіе которое ежегодно ее обрабатываетъ и удобряетъ.

Званіе земледѣльца есть первѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ промысловъ; за нимъ по порядку слѣдуютъ паспухъ, егеръ, рыболовъ и тому подобные. Государство, которое главнѣйшее стараніе свое обращаетъ къ расспраненію всѣхъ вѣспвей земледѣлія, всегда можетъ независимо отъ другихъ содержать себя. Испочникъ богатства его никогда не изсякнетъ; ибо ни что такъ не благопріятствуетъ размноженію народа, какъ земледѣліе. Всѣ другіе промыслы упираются только на оное и Государство, пренебре-

гающее симъ первымъ испочникомъ богатствъ, не надолго можешь удержаться въ своей силѣ и легко приходишь въ упадокъ и раззореніе. Безъ простой и доброй пищи не бываетъ здоровья; безъ здороваго и сильнаго тѣла не можешь быть никакого произведенія, а безъ сего торговли; естли нѣтъ землеспашества, то нѣтъ и самыхъ необходимѣйшихъ потребностей жизни; нѣтъ содержанія, нѣтъ средствъ къ мѣнѣ и промысламъ, и слѣдственно не можешь быть никакой торговли. Въ такомъ случаѣ супружество бываетъ весьма рѣдко; ибо рожденіе дѣтей не обезопасивается способами къ ихъ прокормленію. — Въ томъ самой день, какъ онѣ происходятъ на свѣтъ, уже нѣтъ никакой надежды, чтобы охранить ихъ жизнь. Отъ сего на послѣдокъ рождаются всеобщая нужда и бѣдность, уменьшается народонаселеніе и гибель Государства бываетъ неизбежна.

Л. Торговля.

Посредствомъ мѣны, или чрезъ вознагражденіе равной цѣны, принимающей въ послѣдствіи многія измѣненія, каждый можешь доставать се-

бѣ все, что для него потребно и нравится, будетъ ли то движимое, или недвижимое какое имущество, или услуги и труды, подверженныя оцѣнкѣ. Полипическое общество поддерживаетъ взаимную торговлю, облегчая оную чрезъ заведеніе солговарищества и умножая отрасли товаровъ чрезъ сохраненіе честности опносительно къ мѣрѣ и вѣсу, и соблюденіе цѣнности денегъ — сего споль важнаго по своей удобности залога всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлъ торговли. Свобода есть душа коммерціи, а честность главная побудительная оной причина. Одна только честность водворяетъ довѣренность и кредитъ, и исключая непозволенное лихоимство, пребудетъ, дабы коварные банкроты съ соучастниками своими были сжесточайше и безчестнѣйшимъ образомъ наказаны.

LI. *Искусства.*

Единственно искусствамъ должны мы благодарить за споль далеко распространенное употребленіе различныхъ естественныхъ произведеній. Личная выгода и склонность къ удовольствію возбуждаетъ къ искусствамъ прилѣжа-

ніе. Правительству надлежитъ сопровождать сіе прилѣжаніе къ цѣли всеобщаго блага, обезпечивая плашу художникамъ и доставляя имъ способъ легкаго выигрыша, наипаче въ большихъ городахъ, гдѣ, такъ сказать, искусства другъ другу проспиряють руку взаимной помощи.

ЛII. Науки.

Науки наиболѣе всего опличаютъ и возвышаютъ человѣческое общество; по сему правительству поощряетъ и способствуетъ талантамъ, поддерживаетъ труды ученыхъ людей и гордится честію, которую приносятъ счастливыя ихъ успѣхъ. Но сколько много заслуживаютъ награжденія науки, истинныя дорованія и полезныя изобрѣшенія, столь много напрошивъ должны быть призираемы и нещерпимы въ Государствѣ всѣ пусшыя выдумки, прожекты и ни къ чему негодныя знанія, кои такъ легко размножаются, естли только гдѣ добрый вкусъ къ полезному и изящному хотя мало приходить въ упадокъ.

ЛIII. Нравы.

Нравы, говоря вообще, бываютъ въ Государствѣ довольно чисны, когда

правишество , подавая первый собою примѣръ, обращаетъ особенное свое вниманіе къ тому, дабы вселить въ сердца гражданъ отвращеніе и презрѣніе къ порокамъ , любовь же къ порядку и благопристойности.

Благодѣтельное человеколюбіе есть высочайшая изъ всѣхъ нравственныхъ добродѣтелей. Она заступается у сиротъ мѣсто отца, замѣняетъ спарикамъ потерю ихъ дѣтей, а увѣчнымъ недоспающимъ членомъ. Она утоляетъ жаждущаго, доставляетъ покровъ бѣдному, заботится о выздоровленіи больного, предлагаетъ гостепріимную свою хижину безпомощному чужестранцу и раздѣляетъ съ нимъ все, что Богъ послалъ, дабы оживить его пощею, дать покой и подкрѣпленіе силамъ, истощеннымъ въ трудномъ его пути и одѣть его, когда видишь въ немъ нуждающагося.

Но благоворительность и подаянія должны быть употребляемы не иначе, какъ съ разборомъ и предусмотрительностію.—Поддерживать сильныхъ и здоровыхъ бродягъ и пошворствовать чрезъ то праздношн, значить лишь усиливать язву Государства.

Во зло употребляемая благотворительность есть рогъ изобилія, изъ котораго нищія выступаютъ рѣкою.

LIV. Религія.

Религія есть священнѣйшій союзъ, соединяющій насъ съ Богомъ. — Любовь составляетъ существо ея. Мудрое правительство старается о томъ, дабы всѣ члены общества получили основательное наставленіе въ вѣрѣ и никто бы не дерзалъ вводить чего противнаго ея догматамъ; оно увѣрено, что одному токмо Высочайшему Существу прилично возжигать въ насъ томъ небесный пламень, который очищая наши души, возноситъ насъ къ Творцу.

LV. Дополнительные части правительства.

Въ благоустроенномъ государствѣ шѣлъ преимущественно отличается Правитель, представляющій главу онаго; за нимъ богатые владѣльцы означаютъ пуловище, а работающіе люди суть члены онаго. Праздные же пунеядцы должны быть презрѣны и отовсюду изгнаны, какъ изчадія чловѣчества.

LVI. *Правленіе политическаго общества.*

Соблюденіе естественнаго порядка есть первое правило добраго правительсва, для достиженія чего употребляетъ оно всегда самыя простыя средства. Въ каждомъ случаѣ правительство, поскольу возможно сіе человѣческимъ силамъ, мудрость намереній своихъ должно соединять съ простою плана и съ скоростію онаго исполненія.

LVII. *Виды правительства.*

Правительство въ различныхъ обществахъ имѣетъ и различныя виды, кои вообще можно раздѣлить на три класа: простое, смѣшанное и союзное.

Къ простому правительству относятся Демократія, Аристократія и Монархія.

Смѣшанное правленіе состоитъ или изъ Демократіи и Аристократіи, въ какомъ случаѣ называется Демократо-Аристократическимъ, и Аристократо-Демократическимъ, смотря по тому, какая сторона предъ другой преимуществуетъ; или изъ Монархіи и Аристократіи; или напослѣдокъ изъ

Монархіи , Демократіи и Аристократіи.

LVIII. Демократія.

Въ Демократиическомъ, или народномъ правленіи всеобщій законъ составляетъ большинствомъ голосовъ; управленіе же Государства ввѣряется Сенапу, состоящему изъ мужей, выбранныхъ по ихъ достоинству народомъ.

Демократія есть образъ общественнаго правленія, способнаго только для такого Государства, которое состоитъ изъ извѣстнаго числа людей, имѣющихъ между собою наибольшее сходство, такъ что они всѣ почти кажутся бытъ одушевлены однимъ духомъ, и коихъ тѣсное сосѣдство наиболѣе способствуетъ согласію нравовъ.—Примѣромъ онаго можетъ служить городъ Лукка.

LIX. Аристократія.

Въ Аристократіи народъ получаетъ законы отъ знатнѣйшихъ мужей своей земли, которымъ предана вся высочайшая власть и управленіе Государства.

Аристократія есть одинъ изъ простѣйшихъ образовъ правленія; но

весьма мало сходствуетъ съ природою и можетъ имѣть мѣсто только не въ многолюдномъ и не обширномъ Государствѣ, каковое на примѣръ есть республика Венеція.

LX. Монархія.

Въ Монархіи народъ есть подданный одного только человека; въ рукахъ коего содержится вся высочайшая власть. Сей образъ Правленія больше всѣхъ соотвѣтствуетъ разуму и природѣ.

Монархъ есть отецъ, или патриархъ народа, сопровождающій дѣтей своихъ, большихъ и малыхъ, къ общему благу. Его довѣренность къ нимъ основывается на способности каждаго, а любовь объемлетъ всѣхъ равно опечески.

Монархическое правленіе представляетъ образъ Божескаго правленія; оно есть самое удобнѣйшее для многочисленнаго общества, живущаго въ обширнѣйшихъ областяхъ земли, и единственное, которое чрезъ многіе вѣки можетъ дѣлать счастливымъ многолюднѣйшее Государство безъ малѣйшаго замѣшательства, не употребляя

лишней спротогости, и соединяя всѣ силы, выгоды и намѣренія людей во едино.

LXI. Смѣшанныя формы правленія.

Здѣсь надъ верховною властію наблюдаешъ другая придапочная сила, состоящая съ первой въ равновѣсіи. Не легко, кажешся, учредишь сіе равновѣсіе, а еще менѣе поддержиашъ его. Въ смѣшанныхъ формахъ правленія искусство помогаешъ природѣ; но есѣли первое далеко удалишся отъ послѣдней, то немедлѣнно запусываешся и теряешся въ своихъ средствахъ.

Правленіе Афинъ было смѣсь Демократіи и Аристократіи. Спарта предспавляла примѣръ чудеснаго смѣшенія Аристократіи и Монархіи. — Англія въ наше время показываешъ правленіе, соспоящее изъ Монархіи, Аристократіи и Демократіи.

LXII. Союзное правленіе.

Изъ соединенія многихъ, единообразнаго, или различнаго установленія Государствъ, изъ коихъ каждое имѣешъ свою собственную форму правленія, производшъ союзное правле-

ніе, которое малымъ Государствамъ доставляешъ ту главную выгоду, что онъ удобнѣе можетъ защищать себя отъ нападеній вѣшняго непріятеля. Но запутанность такового правленія легко можетъ навлести на себя многія непріятныя слѣдствія.

Швейцарія состоитъ изъ соединенія многихъ подобныхъ между собою Штатовъ, общаго главнаго начальника неимѣющихъ; Германія же напроптивъ того составлена изъ множества различныхъ Государствъ, соединенныхъ подъ одною главною властію.

LXIII. *Переменная правленія.*

Общество доходя до извѣстной степени могущества, или упадка, часто видитъ себя принужденнымъ перемѣнить форму своего правленія; однакожь весьма трудно, чтобы преобразование сіе могло когда произойти безъ жестокихъ ударовъ и сильныхъ потрясеній какъ то и было съ древнимъ Римомъ и съ Франціею.

LXIV. *Прочность правленія.*

Истинная подпора правленія есть доброе мнѣніе о немъ народа; но одинъ

только разумъ въ состояніи дать се-
му мнѣнію непопрясаемую твердость
и убѣдить каждаго въ томъ, что онъ
живетъ подъ наилучшимъ правленіемъ.
Китай, какъ сказываютъ, есть такая
Монархія, которая меньше всего оп-
далась отъ естественнаго порядка
и потому представляетъ намъ при-
мѣръ древнѣйшаго государственнаго
учрежденія, какое только извѣстно
на землѣ.

LXV. *Должности подданныхъ.*

Каждый подданный въ Государствѣ
обязанъ: во *первыхъ*, по мѣрѣ собствен-
ныхъ своихъ силъ и средствъ содѣй-
ствовать къ общему благу, отдавая
часть трудовъ и имущества своего
къ учрежденію и сохраненію обще-
ственной казны; во *вторыхъ*, соблю-
дать въ точности общественный до-
говоръ и послѣдовать гражданскимъ
законамъ.

LXVI. *Права подданныхъ.*

Каждый подданный имѣетъ право:

1. Участвовать въ имуществѣ и
выгодахъ общества, пользоваться об-

щеспвенными заведеніями, съ приличною свободою мыслишь, говоришь, поступашь и безпрепятспвенно наслаждашья добромъ своимъ.

2. Жишь, или по желанію своему и выгодъ своихъ обспоятельствъ имѣшь полную свободу удалиться изъ того общеспва, въ лонѣ котораго онъ свободно рожденъ.

LXVII. Должности Государа.

Государь, какъ добрый отецъ семейспва, обязанъ:

1. Пещись о благъ своихъ подданныхъ и съ бережливоспію употребляшь государспвенную казну, обращая оную только къ пользѣ общей.

2. Твердо сохраняшь общеспвенный договоръ, охраняющій права и собспвенность каждаго гражданина безъ исключенія.

Для совершеннаго исполненія сихъ должностей не довольно того, чпобъ защищашь только лица и имущество членовъ общеспва; но Государь долженъ еще возбраняшь и всякое нападеніе, какъ на свободу въ рѣчахъ и поступкахъ, такъ и на свободный образъ мыслей каждаго гражданина. Сіе со-

спавляетъ истинный, нерушимый узелъ общества, коего оба конца сохраняются въ рукахъ Повелителя.

LXVIII. *Права Государа.*

Государь имѣетъ право:

1. Содержать общественныя силы и казну въ равновѣсіи съ потребностями Государства, назначая и распредѣляя соразмѣрную онымъ сумму податей.

2. Собирая доходы съ государственныхъ владѣній и подати съ гражданъ, дѣлать изъ нихъ такое употребленіе, которое полезно только общему благу.

3. Тратить деньги присвоеннымъ себѣ штемцелемъ, назначая имъ соразмѣрную цѣну и возвышая оную по обстоятельствамъ, елико только польза торговли и промышленности того требуетъ.

LXIX. *Чиновники правленія.*

Поелику одинъ человекъ не въ состояніи обзрѣть всѣхъ дѣлъ правительсва, то Государь для вспоможенія себѣ избираетъ чиновниковъ,

которыя подъ непосредственнымъ его надзоромъ опирающаюся различныя свои должности, какъ то: Министровъ, Казначеевъ, военныхъ Начальниковъ и Судей. Опытъ выбора оныхъ зависящъ счастіе и несчастіе народа, возвышеніе и упадокъ, слава и поношеніе Государства. Мудрость Повелителя ни подъ какимъ видомъ не должна допускать къ занятію сихъ мѣстъ людей честолюбивыхъ, своекорыстныхъ, или несвѣдующихъ; которые часто чрезъ коварство и происки добиваясь оныхъ прошивъ всеобщаго желанія народа, коего гласъ въ семъ случаѣ наилучшимъ образомъ помогаетъ безошибочному выбору.

Кромѣ общихъ со всѣми гражданами должностей чиновники сіи имѣютъ еще особенныя обязанности къ опеческу—обязанности, принадлежащія собственно одному Государю, но который въ семъ случаѣ раздѣляя ихъ между своими чиновниками, самъ опытъ исполненія ихъ нѣкоторымъ образомъ какъ бы освобождаетъ. Горе преступающимъ сіи обязанности! Они сами собою унижаются подъ тяжестію власти, имъ ввѣренной, или содѣлаются

справедливымъ предмѣтомъ всеобщаго презрѣнія и ненависти.

Но когда благоразумными поступками и надлежащимъ употребленіемъ своихъ дарованій Государственные чиновники оправдываютъ выборъ, на нихъ павшій; тогда досстигаютъ они особыхъ опличій, коими возвышаются предъ всѣми прочими гражданами — опличій, кои суть отблескъ славы, окружающей самаго Государя, лице котораго они представляютъ.

LXX. Государственные Министры.

Министры, которымъ Государь, возлагая на нихъ совершенную свою довѣренность, вручаетъ кормило правленія, носятъ на себѣ должности и права, сопряженные со ввѣренною имъ властію.

Но Государь, котораго высочайшее благо неразрывно соединено съ благомъ народнымъ, долженъ имѣть неусыпное наблюденіе за своими Министрами; поелику они имѣя свои частныя выгоды, могутъ имѣть и тайныя виды или для досстиженія высочайшей степени чести и счастія, или чинить проложитъ путь дорогу любимцамъ и приверженцамъ своимъ. Сей блюстительный надзоръ не такъ тру-

день, какъ обыкновенно себѣ воображають; ибо спраспи чловѣка, его вкусъ, склонности, часпное обхожденіе съ другими и нравспвенный характеръ его приближенныхъ обнаруживають все, чего только въ семъ намѣреніи желать можно. Когда Миниспръ охотно принимаетъ и содержишь въ милости людей пронырливыхъ и безпушныхъ, тогда кто не ошгадаешъ собственнаго его характера? кто еще усумнился въ его вѣдахъ? и чего могутъ ожидать Государь и опечеспво ошъ чловѣка, который окружаешъ себя такими твореніями?

LXXI. *Казначей.*

Казначей, собирая по возложенной на нихъ должности государспвенныя подати, храняшь въ рукахъ своихъ ключъ къ общеспвенной казнѣ. Но поелику не лзя не опасаться слабости чловѣческихъ добродѣтелей и непостоянной вѣрности смертныхъ—не лзя не предполагать, чпобъ они не впали иногда въ искушеніе и вмѣстопого, чпобъ собирать и хранить государспвенную казну, не захопѣли посредствомъ лихоимства и не позволишельныхъ взятокъ обогатить лишь

самихъ себя: по Государь съ сей стороны долженъ въ особенності имѣть неусыпное за своими Казначеями наблюдение. Ему надлежитъ принимать отъ нихъ полугодичные, или годичные счета всѣмъ приходамъ и расходамъ, кои должны сплвуть въ составленіи своемъ быть просты и ясны, и каждый разъ объявлены во всенародное извѣстіе. Чрезъ сіе никто не дерзнетъ показатъ какихъ либо лишнихъ издержекъ, или уплатитъ что ни есть изъ сбора податей.

LXXII. Воинъ.

Военное состояніе, коему Государь вручаетъ оружіе для сохраненія, безопасности и защиты Государства, должно быть всегда готово къ сраженію за опечество. Поеликужъ ввѣренныя такимъ образомъ ему силы могутъ быть употреблены и во зло; по Государь, какъ отецъ своихъ воиновъ, долженъ содержать ихъ въ строжайшей дисциплинѣ, дабы они ни подъ какимъ предлогомъ не пресупали надлежащихъ границъ. Сего пребудетъ счастье цѣлаго.

Опечесство не для того нѣкопорыхъ гражданъ своихъ питаетъ, снабжаетъ жалованьемъ и опличаетъ по-

чеспиями, чѣмъ они нападали на свободу и собственность другихъ; но чѣмъ защищали оную и первые служили примѣромъ порядка. Воинъ, прежде нежели сдѣлается солдатомъ, есть гражданинъ, и въ то самое время когда перестаетъ быть патриотомъ, дѣлается непріятелемъ своего опечесства — исчадіемъ, терзающимъ грудь доброй, питающей его матери.

LXXIII. Судія.

Судіи, одаренные полною довѣренностію своего Государя, обязаны пещись о соблюденіи законовъ и о сохраненіи правосудія. Государь же съ своей стороны долженъ неусыпно наблюдать, дабы въ судебные ихъ приговоры не вкрадывались произвольныя умспвованія, или спраспи; ибо чрезъ попущеніе сего они легко могутъ распроспранить власть свою къ предосужденію власти Государевой, или сію послѣднюю употребить въ удовольствованію своихъ выгодъ на счетъ народа, и пользуясь уваженіемъ, званію ихъ предоспавленнымъ, увеличить силу свою для угнѣпенія шѣхъ, копорыхъ предадутъ въ жертву своимъ спраспямъ.

LXXIV. *Источникъ народнаго благосостоянія.*

Истинный источникъ народнаго благосостоянія состоитъ въ ясномъ познаніи естественнаго и нравственнаго порядка вещей и существъ. Отсюда — по правилу должно заимствовать практическія вспомогательныя свои средства для возстановленія и сохраненія общественнаго благосостоянія. Здѣсь съ одной стороны благоразумный гражданинъ полагаетъ въ нѣдро опечесства часть своего имущества, въ той увѣренности, что изъ сего произтекутъ для него сугубыя выгоды, такъ какъ земледѣлецъ часть своей пшеницы засѣваетъ въ землю, чтобъ тѣмъ болѣе собрать съ нея во время жатвы; съ другой же стороны Государь, какъ другъ порядка и мудрый распорядитель, печется о пользѣ своихъ подданныхъ: ибо добрый отецъ ничего не желаетъ своимъ дѣтямъ, кромѣ полезнаго. Такимъ образомъ если Государь и народъ равно дѣятельно, равно благородно соревнуютъ о взаимномъ своемъ счастьи, то и Государство пребудетъ навсегда въ счастливѣйшемъ положеніи.

LXXV. Причина народной бѣдности.

Невѣденіе, или опдаленіе отъ естественнаго порядка есть истинный источникъ народной бѣдности; шутъ съ одной стороны пропиводействуютъ всеобщему благу тѣ люди, которые по неблагоразумію своему стараются избѣжать общаго всѣмъ бремени, сплюняя оное на однихъ слабѣйшихъ своихъ согражданъ и не разсудивъ о томъ, что естли сіи удвоенной такимъ образомъ тяжести не снесутъ, то опечесство ихъ необходимо ослабѣетъ и погибнетъ, будучи подавлено чрезмѣру увеличеннымъ бременемъ; съ другой же стороны Государь, впадшій въ заблужденіе и доведенный до жестокости чрезъ коварство своихъ придворныхъ, дѣлитъ въ царствѣ своемъ то, что надлежало бы ему соединять, истребляетъ, что слѣдовало бы ему сохранять, и испровергаетъ, что должно бы возстановлять и поддерживать, не думая при томъ, какъ говоритъ пословица, что онъ рѣжетъ курицу, которая несетъ ему золотыя яйца. Симъ образомъ и Государь и народъ взаимно спановляясь несчастными и со временемъ, по мѣрѣ того,

какъ физическій и нравственный порядокъ болѣе бываесть ими превращаемъ, или презираемъ, Государство не минуемо клонится къ своему упадку.

LXXVI. Бунтъ.

Какъ физическое тѣло человека, такъ и политическое Государство подвержены тяжкимъ болѣзнямъ, кои оканчиваются всегда сильными переломами, частію спасительными, а частію вредными и опасными, смотря по крѣпкому, или слабому качеству тѣла.

Бунтъ, или возмущеніе противъ правительства есть крипическое напряженіе всеобщаго неудовольствія. Если оно сдѣлалось только по тому, чтобы уничтожить какія либо несправедливости, или облегчить угнетенныхъ: то далѣе преходящаго безпокойства умовъ не распространяется, и какъ скоро съ сей стороны желаніе народа будетъ удовлетворено, то и спокойствіе немедленно водворяется по прежнему; но когда броженіе умовъ, начинаясь и возрастающее мало помалу такъ что и вниманія на то не обращаютъ, вдругъ,

подобно плѣющей искрѣ, вспыхиваетъ и спремительно обращается въ бунтъ: то оный оканчивается не иначе, какъ важною въ правительствѣ переменною.

Напоследокъ оспается еще упомянуть о претѣмъ, ужаснѣйшемъ родѣ возмущенія, происходящемъ опъ всеобщаго развращенія нравовъ. Оное всегда сопровождается совершенною гибелью Государства.

LXXVII. *Разрывъ общественной связи.*

Когда правительство, по жестокости своихъ поступковъ, или по внѣшнѣй слабости, существенно и непрестанно пренебрегаетъ исполненіемъ должностей, закономъ на него налагаемыхъ: то союзъ общества мало по малу ослабѣваетъ, или даже незапно разрывается; правительство же превращается въ пиранію или анархію, изъ коихъ рано, или поздно происходитъ неминуемое разрушеніе Государственнаго плѣла.

LXXVIII. *Тиранія.*

Поелику пиранія не признаетъ никакихъ должностей повелителя и желая всѣхъ содѣлать невольниками,

не опдаешъ никакихъ правъ чловѣку: то справедливое общество ни въ какомъ отношеніи съ онымъ согласишься не можетъ. Однакожъ чловѣчество — всегда снисходительное и всегда спраждущее — дозволяетъ еще Тиранамъ надѣяться всеобщаго прощенія (amnistie), а угнѣбленнымъ невольникамъ заботиися доспавить мѣсто безопаснаго прибѣжища.

LXXIX. *Анархія.*

Анархія, не признающая никакой зависимости, смѣшиваетъ между собою должності и права, выгоды и достоинства, предметъ и средство. Такое Государство подобно несчастному кораблю, безъ кормчаго блуждающему между опасными утесами, который при томъ каждое мгновеніе спрашивается, чпобъ не впастъ въ руки кровожаждущихъ хищниковъ, или не наплыть на подводный камень и раздробиться.

LXXX. *Размноженіе народа.*

Прострaство земной поверхности столь обширно и народы населяющіе оную столь многочисленны, что никоимъ образомъ не было воз-

возможности составились на ней единого общества и согласились всѣхъ въ общихъ предпріятіяхъ. По сему и образовались различныя и однѣ оныя другіхъ независащія общества.

LXXXI. Раздѣленіе земли, свобода морей.

Земля предоспавлена всѣмъ людямъ вообще; но съ тѣмъ токмо условіемъ, чѣмъ они ее обрабатывали. Поелику же не всѣ оспались при семъ условіи и не одинаково оное соблюдали; то раздѣленіе земли между различными народами вышло не равномерное: всякой утверждалъ право своего владѣнія на той почвѣ земли, которую онъ удобрилъ и обработалъ.

Народъ, обитающій при берегахъ морскихъ, присвоиваетъ себѣ и нѣкоторую часть моря, тѣмъ берегамъ сопредѣльнаго. Большія же моря вообще оспаются свободными и на плаваніе по онымъ всѣ народы имѣютъ нераздѣльное право, подтверждаемое тою общею и великою пользою, что свободное мореплаваніе сближаетъ между собою обитаемые всѣхъ частей свѣта.

Сіи суть главныя правила *народнаго права*, непосредственно произтекающія изъ права естественнаго.

LXXXII. *Взаимныя должности Государствъ.*

Первая должность cadaго Государства въ отношеніи къ другому состоятъ въ томъ, чтобы не причинять другъ другу никакого вреда. Всѣ Государства вообще, какъ и частныя лица, подвержены законамъ вѣчной справедливости.

Вторая должность cadaго Государства, или націи обязываетъ ихъ въ помоществованіи другъ другу. Всѣ Государи именуются братьями — всѣ націи суть сестры.

LXXXIII. *Народное право.*

Каждый народъ имѣетъ право:

1. Защищать то, что ему справедливомъ образомъ принадлежитъ. Необходимость защищенія сего оправдываетъ войну.

2. Требовать отъ другаго помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ самъ себя чувствуетъ недовольно сильнымъ. — Сіе право основывается

на порядкъ предосторожности; но употребленіе онаго нѣсколько опасно — ничего нѣтъ легче какъ преслупить его границы. Чесплюбіе, жадность къ завоеваніямъ для пополненія и округленія земель своихъ, деспотизмъ, добивающійся исключительной привилегіи — все сіе есть явное попраніе народныхъ правъ.

LXXXIV. *Всеобщая польза.*

Различныя политическія общества не такъ много еще другъ оу друга отдалены, чпобъ не могли завести и сохранить между собою соповарищества, служащаго къ общему всѣхъ благу. Мало помалу подъ покровительствомъ главныхъ и господствующихъ обществъ, возникли многія роды таковаго соповарищества, кои безъ законовъ и безъ военной силы день оу дня возрастающъ и въ соединеніи своемъ должны становиться безпрестанно важнѣе. — За благодѣтельное сіе взаимное разныхъ народовъ согласіе обязаны мы торговлѣ.

LXXXV. *Вексель.*

Торговля, распространяя дѣятельность соединенныхъ въ общество людей по всѣмъ странамъ обитаемаго

земнаго шара, доставляетъ имъ всюду изобиліе многоразличныхъ произведеній природы и искусства. Для большаго удобства и безопасности разныхъ торговыхъ сношеній употребляются векселя, обезпечивающія кредитъ торговцевъ противъ корыстолюбія такихъ людей, копорымъ ни законы, ни благодѣянія торговли не извѣстны. Италіянскіе жида были первые, копорымъ необходимость привела на мысль сіе счастливое изобрѣтеніе.

LXXXVI. *Республика ученыхъ.*

Республика наукъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ извѣстныя истинны и всѣ полезныя изобрѣтенія и распространяетъ просвѣщеніе, сообщая изъ рода въ родъ какъ свои, такъ и прежнихъ вѣковъ опыты, открытія и наблюденія. Данія первая изъ всѣхъ просвѣщенныхъ монархическихъ Государствъ подала собою примѣръ свободнаго книгопечатанія. Тамъ каждый воленъ писать такъ, какъ онъ мыслитъ, что безъ сомнѣнія хорошо, если только свобода сія не превращается въ дерзость. Но въ такомъ случаѣ издашель, преступающій

соблазнительными своими сочиненіями, или безспыдными пасквилями границы благопристойности, развращающій добрые нравы и возмущающій общественный покой, безъ всякаго снисхожденія подвергается наказанію, на преступленія сего рода положенному. Ничто не можетъ бытъ сего справедливѣе!

LXXXVII. *Общественная благопристойность.*

Общественная благопристойность все содержишь въ равновѣсіи, соблюдая важность справедливости и Свѣдѣнія. Она раздѣляетъ славу и стыдъ между великими и малыми, между царями и народами и приговоры ея ненарушимы. О есѣлибъ чувство къ чести — сіе священное пламя никогда не погасало въ сердцахъ нашихъ!

LXXXVIII. *Взаимная терпимость.*

Совѣсть естѣ ненарушимое убежище, на свободу коего всѣ безъ исключенія имѣюще справедливое право, и коего святость никогда довольно уважаема бытъ не можетъ.

Какое бы Богопочтеніе люди Небесному Оицу своему ни воздавали, или даже естълибъ они и вѣвся ни вакого не имѣли; но когда самъ Богъ попускаетъ, чѣшобъ сіяло надъ ними одно и поже солнце и изливаетъ благошворную росу на всѣхъ дѣшей Своихъ безъ различія: то для чего не слѣдовать примѣру сему наипаче пѣмъ, кои истинно желаютъ бытъ оицами своихъ народовъ?

Пенсильванія естъ первая на земномъ шарѣ образованная земля, гдѣ коренными законами Государства утверждена взаимная терпимость всѣхъ секъ и обрядовъ вѣроисповѣданія.

Въ семъ маломъ Кодексѣ изображены всѣ должности и права повелѣвающихъ и повинующихся, сообразно разуму, справедливости, благожелательству и взаимной любви. Все наше счастье зависитъ въ наблюденіи и исполненіи правилъ въ ономъ содержащихся. Они заимствованы изъ физическаго и нравственнаго порядка, надъ всѣми разумными существами господствующаго: мое же сердечное желаніе соспоишь въ томъ, чѣшобъ приняли ихъ благосклонно, охотно исполняли и никогда прошивъ нихъ не поступали.

Натальныя правила и важнѣйшія истинны изъ системы политическаго хозяйства.*

Провиденіе одарило человека чувствами, способностями и волею исключительно для того, дабы онъ чрезъ нихъ могъ быть самъ отъ себя. Обладаишь чѣмъ ни есть исключительно и справедливымъ образомъ называеися илить собственность. Ипавъ каждый человекъ въ слѣдствіе естественнаго права естъ собственность своей особы.

Сія личная собственность даетъ ему права, происходящія отъ попре-

* Правила сіи суть торжество самаго разума; онѣ нагертаны собственною рукою одного изъ благоразумнѣйшихъ Государей Германскихъ, и составляютъ блестящее дополненіе къ его законоположеніямъ, кои Г. Дюпонъ привелъ въ порядокъ. Предлагаемое здѣсь читателямъ есть токмо извлеченіе сихъ правилъ; ибо дальнѣйшее распространеніе обѣ оныхъ требуетъ глубокихъ экономическихъ свѣдѣній и къ нашему намыренію не принадлежитъ.

бностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ и необходимыя должности.

Первое право состоятъ въ присвоеніи себѣ вещей, кои сама природа предлагаетъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей.

Второе составляетъ насъ въ неприкосновенности отъ другихъ людей относительно нашей работы, опытовъ, или изысканія вещей, удовлетворяющихъ нашимъ потребностямъ.

Третье уполномочиваетъ насъ прошившись всякому непріятному и злему дѣйствію, а тѣмъ-паче насилію, относящемуся къ собственному нашему лицу.

Наконецъ четвертое опредѣляетъ часть нашей собственности для вспоможенія другимъ людямъ.

Сіи вспоможенія бываютъ или совершенно свободны и безусловны, или по взаимному договору. Свободными и безусловными называются онѣ тогда, когда человекъ находится въ состояніи слабости, или немощи, и его ближнія очевидностію своихъ собственныхъ нуждъ увѣренные въ его страданіи, естественнo побуждаются сдѣлать ему вспоможеніе.

Въ состояніи силъ и здравія сіи вспоможенія суть взаимны, по мѣрѣ того, какъ оныя облегчаютъ работы, удовлетворяющія нашимъ потребностямъ.

Нужды, обнаруживающіяся посредствомъ нашихъ чувствъ, суть столь сильны, что за неудовлетвореніемъ оныхъ необходимо слѣдуетъ страданіе и даже самая смерть. Сюда принадлежатъ питаніе и сонъ.

Почему сіи нужды существенно соединены съ благомъ человека и къ содержанію его необходимы.

Прочія потребности не столь важны: дѣйствіе ихъ при неудовлетвореніи состоитъ только въ томъ, что мы испытываемъ большія, или меньшія непріятности недостатка — таковыя суть: одежда, орудія для нашей работы, оружіе для обороны, домашній уборъ и всѣ другія удобства, служащія къ спокойствію и удовольствію нашей жизни.

Изъ всѣхъ таковыхъ нуждъ происходитъ общая потребность въ наслажденіи, какимъ образомъ человекъ долженъ употреблять естественныя свои средства, какъ то; силы, разумъ, а подъ симъ: мысли, память, рассу-

жденіе, предусмотрительность и искусство. Сии личныя способности суть естественныя выгоды, посредствомъ коихъ человекъ достигаетъ желаемой цѣли.

Каждый взрослый и въ здоровомъ состояніи человекъ въ большей, или меньшей степени наслаждается сими выгодами, составляющими его собственность. Онъ обязанъ за сіе благодѣтельной десницей Творца и попеченію своихъ родителей, заботившихся о немъ во время его дѣтства. Употребленіе ихъ относится къ удовлетворенію его нуждъ, или къ достиженію исполненія естественныхъ правъ.

Но права неразрывно соединены съ должностями, или съ необходимыми условіями, обеспечивающими удовлетвореніе нуждъ и исполненіе правъ.

Первая должность состоитъ въ томъ, чтобы человекъ трудился для пріобрѣтенія разныхъ вещей, потребныхъ для его нуждъ.

Вторая, чтобы въ работахъ другихъ не дѣлалъ ни малѣйшаго препятствія и помѣшательства.

Третья, чтобы ни силою своею, ниже какими иными средствами не

причинялъ другимъ зла. — Отсюда происходитъ справедливость.

Четвертая наконецъ, чѣмъ ближнимъ своимъ доставлялъ нужную помощь. — Отсюда происходитъ благотворительность.

Сии должности бывають добровольны, или соединены съ условіемъ возмездія. Добровольны, и какъ бы безусловный даръ, бывають онѣ въ отношеніи къ дѣйстви, слабости, немощи и безпомощности, хотя впрочемъ и тутъ исполняется чрезъ нихъ нѣкоторый долгъ; ибо нѣтъ ни одного человека, который бы не былъ подобнымъ образомъ обязанъ другимъ за жизнь свою, и не получалъ бы самъ помощи по крайней мѣрѣ въ своемъ малолѣтствѣ. — Взаимные же и сопряженные съ условіемъ возмездія бывають въ состояніи власти, силы и здравія; ибо здѣсь возмездіе сіе предписывается общими выгодами по явному, или умолченному согласію.

Работа, разумѣя подъ симъ словомъ употребленіе правъ и исполненіе должностей личной собственности, есть источникъ справедливаго и исключительнаго пріобрѣтенія вещей, недоспасающихъ къ удовлетворенію по-

пребностей человека. На семь основывается начало такъ называемой движимой собственности.

Справедливость и общественное благо повелѣваетъ людямъ уважать движимую собственность каждаго.

Неизъяснимое чувство справедливости убѣждаетъ человека, что пріобрѣтеніе сего вѣщаго рода собственности есть ничто иное, какъ естественное и дозволенное обращеніе въ пользу свою личной его собственности; что иначе свобода изобрѣтать и открывать своимъ обладать и наслаждаться безъ опасенія, была бы только мечта, и что наконецъ нельзя лишить человека плодовъ собственного его труда, непричинивъ ему личного оскорбленія, не похищивъ, такъ сказать, части пользы его, или силъ, въ работѣ истощенныхъ.

Человекъ, котораго неправильно лишаютъ собственности, очень чувствуетъ, что ему дѣлаютъ несправедливость; почему въ семь случаевъ естественно бываетъ склоненъ къ сопротивленію и проливъ причинителя вреда ожесточается. Слѣдственно не лзя сомнѣваться, чтобъ обладаніе

движимою собственною не было основано на законахъ самой природы и справедливости: ибо тотъ, который отваживается нападать на собственность другого, не иначе какъ развѣсъ великимъ прудомъ и опасностію можетъ достигнуть своей цѣли, а иногда и вовсе не достигаетъ оной, подвергаясь между тѣмъ всѣмъ непріятностямъ жестокой войны и мщенія, въ коихъ легко можетъ лишиться самой жизни. Отсюда слѣдуетъ, что каждый человекъ, имѣющій здравый смыслъ, лучше старается пріобрѣтать самъ собою, нежели желаетъ похищать чужую собственность, которую въ послѣдствіи должно оборонять еще силою.

Изъ сего естественнаго уваженія движимой собственности происходитъ свобода мѣны, или торговли.

Употребленіе личной и движимой собственности показываетъ начало земледѣлія, которое составляетъ четвертое естественное состояніе человека.

Извѣстно, что собираніе растѣній и продуктовъ, произрастающихъ безъ всякаго воздѣланія земли, есть первое естественное состояніе чело-

вѣка; звѣриная и рыбная ловля второе, а паспущеская жизнь третье.

Начало земледѣлія естѣь слѣдствіе разсудка, по опыту нуждою и порядкомъ вещей просвѣщеннаго. Сей разсудокъ научаетъ человека, что онъ необходимо долженъ дѣлать, дабы земля что нибудь принесла ему, и производить между людьми два, весьма между собою различные класа: владѣтелей и слугъ, или работающихъ за плату.

Предуготовленія, предшесствующія каждому обработыванію земли, бывають двоякаго рода: одни заключають въ себѣ все, что жатвѣ должно предшесствовать какъ то: вспахиваніе пошвы, бороненіе, посѣвъ и различные принадлежащія къ тому орудія; другіе же составляютъ запасъ, заимствуемый опѣ жатвы какъ для будущаго посѣву, такъ и для годичнаго содержанія работниковъ и для удовлетворенія издержекъ на поправку и покупку новыхъ орудій, и вообще на домашнее продовольствіе.

Въ таковомъ состояніи землепашества произведенія онаго весьма доспашочно удовлетворяють всѣмъ нуждамъ земледѣльца; поелику онъ обра-

бопываетъ только малую часть земли, которую немедленно и оставляетъ, какъ скоро встрѣчаетъ какія запрудненія, или находитъ, что плодородіе ея истощилось, что и понынѣ ведется еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ Америки и Сѣверной Европы.

Но какъ скоро земледѣліе приходитъ въ большее совершенство и устройство, то человекъ теряетъ охоту къ кочевой жизни; онъ привязывается къ своему полю и основываетъ на немъ неподвижное жилище.

Съ сей поры времени начинается оказываться умноженіе земныхъ произрастѣній и народонаселенія. Первые успѣхи онаго производятъ то, что человекъ чувствуетъ необходимость распространенія земледѣлія, въ коемъ безъ общественнаго содѣйствія никогда успѣть не можно.

На сей конецъ учреждается общественный сборъ, къ чему требуется согласіе воли и средствъ всѣхъ семействъ, ввѣряющихъ расходъ общественного сбора одной только власти, уполномоченной всѣми соединенными силами.

Предметъ учрежденія сего состоитъ въ томъ:

1. Чѣмъ привесть въ безопасность наслажденіе произведеніями, кои приобретающіяся опѣ земледѣлія, и кои начиная опѣ сего времени произрастающія съ нѣкоторымъ избыткомъ, такъ однакожь разсѣяны, что подѣ однимъ надзоромъ своего владѣтеля сохранены быти не могутъ.

2. Чѣмъ устроить улицы, каналы, мосты, приспани, магазейны, крѣпости и другія публичныя строенія, на употребленіе коихъ всѣ соединенныя семейства могли бы имѣти нераздѣльное право.

Такимъ образомъ простое соединеніе людей обращается въ устроенное общество. Общество сіе подчиняется власти, которая управляетъ и общественными приходами и расходами онаго, сохраняетъ употребленіе правъ и исполненіе должностей каждаго, и чрезъ то удовлетворяетъ потребностямъ всѣхъ въ общество соединенныхъ людей.

Законность сей власти основывается на общественномъ благосостояніи, на соединеніи воли и средствъ людей, ради сего благосостоянія ей себя подвергнувшихъ.

Кому бы не ввѣрена была власть сія: Королю, Императору, Князю, Се-

напу, Дворянству, или Магистрату— словомъ, какъ бы обладатели ея ни назывались, должности сихъ особъ всегда суть однѣ и тѣ же: имъ надлежитъ защищать свободу и охранять права личной собственности всѣхъ въ общество соединенныхъ людей, примирять происходящія между гражданами несогласія, усмирять причинителей оныхъ, и наконецъ покровительствовать какъ общественному, такъ и частному воспитанію и наставленію юношества; ибо гдѣ молодые люди заранее познаютъ права, должности и выгоды свои, тамъ и управленіе общества несравненно облегчается.

Сверхъ того они обязаны сколько возможно поддерживать и умножать запасы Государства, или общественную собственность, необходимою къ содержанію и улучшенію каждой частной собственности; щепы же содержатъ и весты въ такомъ порядкѣ, чтобъ нація въ случаѣ потребности какихъ либо издержекъ, никогда не могла пощерпѣть недосытка, и чтобъ удобно можно было видѣть, должно, или не должно ограничить государственные расходы.

Права общественной власти, или того, кому часи сей власти ввѣрена, состоятъ во первыхъ въ томъ, что онъ можетъ дѣлать употребленіе изъ всѣхъ общественныхъ силъ, когда пребудетъ того нужда, какъ на примѣръ когда должно опразитъ нападеніе непріятеля или прекратить внутренніе неурядки, могущіе вредить свободѣ, или правамъ относительно собственности каждаго гражданина; во вторыхъ онъ можетъ собирать подати съ общества, и обращать оныя въ государственной безопасности, къ соблюденію и улучшенію общественной и частной собственности; и наконецъ въ третьихъ получать причиную и важности услугъ своихъ соразмѣрную награду.

Неуспѣхъ сихъ главныхъ понятій испровергаетъ всѣ основанія нравственности и политики.

Члены политическаго міра, по правиламъ порядка естественнаго, (служащаго основаніемъ вещественному) соединены другъ съ другомъ общимъ благосостояніемъ, чрезъ участіе во всѣхъ выгодахъ природы и общества.

Соединенію сему, основывающемуся на взаимномъ уваженіи справедли-

востпи, обязаны они взаимною ихъ дѣятельностію и пою удобностію и преимуществомъ, съ каковыми исполняють они всѣ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія общественныя дѣла свои.

Такимъ образомъ изъ множества частныхъ выгодъ происходитъ всеобщее добро и всѣ класы людей и труды ихъ соединяются къ общему совершенству, между тѣмъ какъ одни приносятъ плоды, другіе ими распоряжаются, а иные соблюдаютъ ихъ и сохраняютъ богатство. — Такъ изобиліе, благосостояніе, силы, естественное счастье Государства и особенно счастье обладателей предуготовляется, совершается и распространяется. Государи, или Правители имѣютъ еще по преимуществу, что каждое въ Государствѣ доброе и полезное дѣло могутъ всегда почитать за свое собственное; ибо ихъ власть на все такое имѣетъ вліяніе, которое, если только распоряженія ихъ будутъ подобны распоряженіямъ истинныхъ опцовъ опечесства, во глубинѣ души даетъ имъ всегда чувствовать, что народы суть ихъ дѣти, что счастье всѣхъ дѣлаетъ и ихъ счастливыми; что чрезъ богатство всѣхъ и они

богаты; что подъ ихъ защитою и чрезъ нихъ возвышающіяся въ сердцахъ народа нѣжныя и благородныя чувствованія соспавляютъ и собственную ихъ опраду.

Когда Государь печется единственно о благѣ ввѣреннаго управленію его общества, тогда онъ самъ ежедневно наслаждается истиннымъ на землѣ сей счастьемъ: онъ не иначе воспаетъ опъ сна, какъ съ благословеніями своего народа и засыпаетъ при тихихъ изліяніяхъ нѣжнѣйшей его благодарности. Тогда безъ всякаго сомнѣнія цѣлый міръ, а наипаче главы обществъ могутъ сказать: *дѣлать добро столь же пріятно, какъ и принимать его!* Подъ благопворнымъ управленіемъ милосердаго Государя злые люди раздѣляются и спрашиваютъ самихъ себя, а добрые напротивъ взаимно вспомошествовая другъ другу, становятся еще лучше и могущественнѣе.

Земледѣліе есть такая промышленность, которая обитаетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ; оно есть первѣйшее искусство общественной жизни, необходимое по своимъ произведеніямъ для всѣхъ состояній об-

щества, и составляющее главный источникъ всѣхъ богатствъ. Нѣкто сказалъ, что самое первое хлѣбное зерно ввѣренное землѣ, было зародышемъ скиптровъ и коронъ—и весьма справедливо. Земледѣліе есть основной столпъ обществъ, естественный союзъ между людьми, надежда и источникъ помощи, исполненіе ихъ желаній, удовлетвореніе потребностей и полная наслажденій; въ исторіи онаго мы ничего не находимъ, кромѣ благопствореній, на каждое состояніе имъ изливаемыхъ; оно повсюду способствуетъ народному размноженію и довольству, и пошъ класъ людей, который при исполненіи многихъ общественныхъ тягостей, прудился надъ онымъ безъ отдыха, составляетъ еще главнѣйшую силу царей и народовъ. Земледѣліе, какъ и нравственность въ своемъ отношеніи, есть прекраснѣйшая, полезнѣйшая и неизчерпаемая принадлежность обладателей; почему счастливѣйшее изъ всѣхъ правленій есть конечно то, котораго намѣренія и старанія клонятся къ исправленію нравовъ и къ распространенію земледѣлія, и котораго вся надежда наиболѣе на сихъ подпорахъ основана.

Одному Богу возможно творить; напурѣ же и людямъ предоставлено только производить: но хоща испочникъ природы неисчерпаемъ и какъ въ рожденіи, такъ и произведеніи своемъ не имѣешь иной границы, кромѣ земной поверхности; однако человекъ ничѣмъ не можетъ наслаждаться безъ труда; небо и земля ничего не дають ему такъ, чѣтобъ онъ для пріобрѣтенія своего не провелъ цѣлыхъ ночей безъ сна, не омочилъ попомъ лица своего и не употребилъ къ тому всего своего прилѣжанія и испуска.

Но поелику человекъ, рожденный къ наслажденію, ничѣмъ не можетъ пользоваться безъ работы: то и надлежитъ ему по всей возможности и всячески трудъ свой облегчать, производя оный удобнѣйшимъ образомъ, съ меньшими издержками и напряженіемъ. Отсюда то введено за спольпирующихъ обыкновеніе желать друзьямъ своимъ здоровья—обыкновеніе, произшедшее конечно не отъ выдумки, или произвола, но отъ самой природы, весьма ясно цѣль онаго опредѣлившей.

Земля есть главное начало произрожденія; человекъ же производитъ

только чрезъ вторыя причины
 (*per causas secundarias*); ибо чтобъ
 силами своими могъ онъ дѣйствоватьъ
 съ пользою, для сего потребно ему
 имѣть первоначальное средство по-
 мощи и вещества, надъ обрабатыва-
 ніемъ котораго онъ долженъ прудитъ-
 ся, и кои по сему необходимо
 должны сплвующь быть прежде са-
 маго человека. А какъ въ продолженіе
 своей работы онъ имѣетъ еще нужду
 въ пропитаніи, то и долженъ напередъ
 обращаться къ землѣ, дабы содѣлать
 ее плодородною и получить потреб-
 ное для своего содержанія. Почему ни
 малѣйшаго не можетъ быть успѣха въ
 искусствахъ, безъ надлежащихъ къ о-
 нымъ предуготовленій и не можетъ
 быть работы безъ награды, такъ какъ
 нѣтъ произведенія безъ потребной къ
 тому работы, а безъ сего нѣтъ способа
 къ содержанію, ни пути къ торговлѣ,
 ни богатствъ, ни наслажденій, ни
 средствъ быть счастливымъ. — Тру-
 дись! вотъ единственное условіе при-
 роды съ человекомъ, когда сей послѣ-
 дній хочетъ жить и наслаждаться,
 хочетъ быть довольнымъ и благопо-
 лучнымъ.

Я сѣю зерно и природа вмѣсто онаго даетъ мнѣ колосья, часто два, а иногда и три; но между тѣмъ прежде нежели могу ими пользоваться, употребляю съ своей стороны орудія, сильныя руки и другія предуготовленія, необходимыя здѣсь точно такъ, какъ для произращенія травы потребны тепло и влага. Изъ сего слѣдуетъ, что природа не иначе предлагаетъ дѣламъ своимъ мѣсто убѣжища, праздники и удовольствіе, какъ подъ условіемъ, дабы земля напередъ опъ насъ щастливо была къ плодородію своему предуготовлена; почему всякой поселянинъ обязанъ заранѣе пещись о своей жатвѣ, употребляя для сего нѣкоторыя издержки. Когда поле его будетъ удобрено, вспахано, взборонено, и наконецъ засѣяно, тогда и жатва его можетъ быть изобильна.

Для сего онъ обязанъ пещись о хорошемъ состояніи земледѣльческихъ своихъ орудій, вставать вмѣстѣ съ утреннею зарею, сносить дневной зной и не прежде заката солнечнаго предаваться кратковременному своему сну; почему богатые владельцы, которые сами собою никогда не

работаютъ, но всѣмъ въ изобиліи наслаждающіяся, обязаны съ своей стороны заботиться о томъ, дабы поселянинъ, или земледѣлецъ, который по скупости, жестокости и безпечности богачей часто бываетъ лишенъ даже самыхъ необходимыхъ вещей—денегъ, потребныхъ для заготовленія орудій и скопа, какъ единственнаго его имущества, никогда бы въ оныхъ не нуждался; дабы тотъ, который прилѣжаніемъ, способностями и остроуміемъ своимъ наипаче оныхъ другихъ отличался, былъ поощряемъ всегда приличными наградами, общимъ уваженіемъ и надлежащимъ денежнымъ задаткомъ; богатые же капипалисты, кои домъ и дворъ свой носятъ въ карманѣ, и живучи на наличные деньги, ничего своими руками не дѣлающъ, должны исправно платить за всякую производимую для нихъ работу, дабы симъ хотя нѣсколько могли вознаградить опеческу за свое бездѣйствіе.

Безъ всякаго сомнѣнія первыя произрастѣнія, удобряя землю своими опрослями, были источникомъ за ними слѣдующихъ; но оныя сей эпохи и до той, когда произращеніе хлѣба, плодовъ и кореньевъ достигло до настоя-

щей спепени, должно было пройти довольно долгому времени.

Еспьли справедливо, что природа ни чѣмъ другимъ не ограничила размноженія людей, какъ только средствами къ ихъ содержанію потребными; еспьли опкупщикъ для обогащенія своего ни чего споль не желаетъ, какъ капишала, и еспьли по сему основанію богатства для рожденія и произведенія новыхъ богатствъ необходимы: то чрезмѣру постыднымъ образомъ обманываютъ правителей, когда представляють имъ, что земля ничего больше не пребуетъ, какъ токмо рабочихъ рукъ.

При многихъ дворахъ еспь весьма обыкновенный, а въ большихъ городахъ даже закоснѣлый предразудокъ, который при томъ выдается еще за неоспоримое правило—предразсудокъ, что еспьли хотять, дабы кресстьянинъ былъ подвластенъ и прилѣженъ къ работѣ, то надлежитъ содержать его въ бѣдности. Таковымъ пагубнымъ мнѣніемъ къ несчастію заражены многіе сильные вельможи, многіе богачи, которые вѣдять бѣлый дорогой хлѣбъ, обмоченный въ винъ, не зная, какимъ образомъ земля его приноситъ и никогда не представляя въ мысляхъ своихъ,

какія обширныя издержки потребны къ его произрожденію, и сколько времени и терпѣнія. Но какое имъ до того дѣло? — Распochenіе естъ гораздо важнѣйшій для нихъ предметъ, чѣмъ попеченіе о произведеніи. — Находясь въ полномъ удовольствіи, они помышляють только о томъ, какъ бы съ большею силою дабы почувствовать другимъ превосходство свое, хотя оно естъ ничто иное, какъ одна игра случая и счастья: но можноли въ сей испи-нѣ увѣришь тѣхъ, которые живя во-всякомъ изобиліи и роскоши видятъ пишпашелей своихъ предъ собою пресмы-кающимися? — О естъли бы они хо-тя нѣсколько подумали о томъ, что бѣдныя, получающіе отъ нихъ столько худую плату, орошають землю въ трудахъ своихъ потомъ и слезами, ме-жду тѣмъ, какъ сильный слуга за ничто получаетъ отъ нихъ несра-венно большую плату и томъ, копо-раго крѣпкій конь съ меньшею трудно-стію проводитъ глубокія по землѣ борозды, и который во всемъ имѣетъ больше способовъ къ облегченію тру-довъ своихъ, гораздо больше награж-дается чѣмъ трудолюбивый, но убогій земледѣлецъ.

Какъ произрожденія утонченной природы не имѣютъ никакихъ границъ такъ и хлѣбопашество не находитъ празднаго времени, гдѣ бы не осталось ему чего дѣлать, и крестьянинъ не знаетъ для себя покоя: онъ работаетъ въ день почти десять часовъ, употребляя только нѣсколько минутъ для подкрѣпленія себя скуднымъ своимъ обѣдомъ, состоящимъ часто изъ одного куска черстваго хлѣба. Силы рукъ его, распочаемыя къ воздѣлыванію поля, суть лишь бѣглое явленіе дня, еслили не подкрѣпляются достаточною и здоровою пищею, еслили онъ не можетъ облегчить труда своего посредствомъ удобныхъ орудій, каковыя придумываетъ искусство и коими бѣдный, какъ бы впрочемъ трудолюбивъ ни былъ, безъ помощи богатаго пользоваться не можетъ. Ограниченный во всѣмъ нужнѣйшимъ и необходимомъ въ жизни, часто довольствуется онъ однимъ чернымъ хлѣбомъ и водою, покрываетъ плѣло свое отъ жара, спужи, вѣтра, дождя и всѣхъ безпокойствъ непогоды опиврапительнымъ рубищемъ; спитъ на полусогнившей соломѣ; живетъ въ ветхой хижинѣ, и среди своего семейства претящеть отъ мысли,

что ему должно еще воспитывать дѣшей—наслѣдниковъ, своей бѣдності.

Гораздо счастливѣе жребій ремесленника: сей соединяетъ необходимое съ полезнымъ, пьетъ кружку пива, носитъ кафтанъ, порядочно его покрывающій, живетъ подъ безопасною кровлею, и провождая въ спокойствіи вечернее время, радуется, видя себя молодѣющимъ въ добрыхъ и здоровыхъ своихъ дѣтяхъ. Посмотримъ же на богача, который безпрестанно умножая свои наслажденія, нѣжится въ роскоши и удовлетворяетъ вкусу своему какъ въ пищѣ, одеждѣ, мебелихъ, жилищѣ, такъ и во всѣхъ удовольствіяхъ. Какая разность между имъ и бѣднымъ поселяниномъ! — Какое открываеши здѣсь неизмѣримое разстояніе!

Богачъ, любящій великолѣпіе, населяетъ домъ свой множествомъ слугъ, оппоргнушихъ отъ земледѣлія и работы; покупаетъ лошадей и собакъ для охоты; строитъ въ городѣ роскошныя палаты, а въ деревнѣ огромный замокъ, куда только изрѣдка пріѣзжаетъ для переменны утѣхъ своихъ; одежда его содѣлана изъ самой тонкой ткани, украшенной золотомъ и дорогими каменьями; онъ избираетъ для

себя одно только необыкновенное и драгоценнѣйшее произведеніе искусствъ и моды; споль его обремененъ изящнѣйшими явствами, для коихъ закупщикъ его изыскиваетъ все, что только есть рѣдкаго въ чешырехъ часпяхъ свѣта, дабы угодить обладателю своему, окруженному спунеядцами и ласкателями. И когожъ онъ дѣлаетъ участниками распочительной своей щедрости? Только пѣхъ безполезныхъ людей, кои соединенными силами неусыпно спрудятся для доставленія многоразличныхъ наслажденій, споль вожделенныхъ его сердцу — только для сихъ къ несчастію опкрытъ всегда кошелекъ его! —

Съ приращеніемъ благосостоянія и размноженіемъ богатствъ увеличивается въ Государствѣ и различность какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ потребностей, кои опкрываютъ споль обширное поле художествамъ, и для коихъ человекъ пробѣгаетъ весь земный шаръ, не взирая ни на какія опасности. Начиная опъ величайшей нужды бѣднаго, и умѣренности зажиточнаго человека, до великолѣпія и распочительности богача можно представить себѣ всѣ проме-

жупки и съ каждымъ постепеннымъ приращеніемъ богатства, происхожденіе новыхъ потребностей и изобрѣтеній. Но поелику, какъ мы и прежде замѣтили, человекъ работою однихъ рукъ своихъ безъ содѣйствія природы и искусства не много можетъ произвести: по изъ сего слѣдуемъ, что земледѣлецъ долженъ имѣть богатство, или капиталъ для доставленія себѣ нужныхъ вспомогательныхъ орудій. Качества и силы богатства происходятъ отъ оборотовъ онаго, или торговли, посредствомъ которой капиталъ опять возвращается къ земледѣлію. Цѣль торговли есть потребленіе; *дѣйствительно* средство оной состоитъ въ издержкѣ, а *страдательное* въ расходѣ произведеній. Слѣдственно потребленіе, расходъ и издержки съ богатствомъ и возрожденіемъ находятся въ весьма тѣсномъ соединеніи. Издержки имѣютъ важное отношеніе къ силамъ и раздѣленію богатствъ, покровишествовая постепеннымъ своимъ возобновленіемъ каждому роду произведеній; но если бы естественный порядокъ ихъ, по какой бы ни было причинѣ, приходишь въ расстройство, то они причиняютъ вознагражденіемъ величай-

шій и шѣмъ важнѣйшій вредъ, чѣмъ ближе бываетъ оный въ источникъ своему, или чѣмъ больше первыя побудительныя причины общежитія ослабляются.

Но можешь бышь сказать, что для возвышенія хлѣбопашества до такой степени совершенства и благосостоянія надлежитъ, чтобы земледѣлецъ сдѣлался вдвое богаче и избыточнѣе, чтобы работа его состояла подъ таковымъ же покровительствомъ, какъ и производство другихъ предпріятій; чтобы барщина и другія подобныя тягости его состоянія, если не вовсе были уничтожены, то покрайнѣй мѣрѣ гораздо и гораздо облегчены; чтобы онъ свободно и ненарушимо пользовался естественнымъ и гражданскимъ правомъ собственности и въ дѣятельности своей для пріобрѣтенія и умноженія своего имущества не встрѣчалъ никакихъ несправедливыхъ преградъ и препятствій. —

Мѣстное потребленіе для земледѣльца есть дѣйствительно самое выгоднѣйшее, поелику полямъ его возвращаетъ соки питанія и произращенія, невозвратно похищаемые городомъ; но изъ сего не должно выводиться ложнаго слѣдствія, что будто уже

всѣмъ надлежитъ оставить городъ и удалиться въ деревни: безъ города не достало бы и потребныхъ издержекъ для земледѣльскаго хозяйства. Лучше всего здѣсь взять среднюю дорогу, которая соспоитъ въ томъ, чтобы жилищные владѣльцы нѣкоторую часть года непременно проводили въ своихъ помѣстьяхъ, и всѣ тѣ, коимъ въ провинціяхъ ввѣряется какое мѣсто, или управленіе, непременно бы жили въ оной, дабы мѣстное потребленіе ихъ болѣе способствовало къ вознагражденію земныхъ произведеній.

Кому драгоцѣнна польза своего отечества и кто собственнымъ своимъ опытомъ пріобрѣлъ полныя и справедливыя вразсужденія сего познанія, тому конечно не безъизвѣстны какъ сіи, такъ и многіе другіе государственныя недостатки, во все противныя усовершенствованію и распространенію земледѣлія, и потому очень легко прищепить способъ искорененія ихъ: но безъ сумнѣнія открытъ политическое зло гораздо легче, чѣмъ изыскать мудрыя и полезныя средства къ поправленію онаго, наипаче когда въ продолженіи времени зло сіе успѣло пустить глубокіе корни, такъ что

можетъ пропивипься всякому усилю. Однакожь шрудностію дѣлать добро мы никакъ не должны оспанавливатъся предпринимать доброе, хотя бы для успѣха нашего шребовалось еще самое продолжительное время; чрезъ сіе рано, или поздно, однакожь непремѣнно достигнемъ своей цѣли и еспьли шолько однажды зло будепь уничтожено и наше предпріятіе не встрѣшипь никакого препятствія со стороны людскихъ обычаевъ и предразсудковъ: шо произшедшее опъ шо го добро само собою уже сохранипся и увеличипся.—Вопъ на что главнѣйше должны обращать стараніе свое Государи и ихъ Министры.—Къ вамъ коронованные Опцы народовъ! къ вамъ неупомимые вельможи, коимъ Государь удѣляетъ часть заботъ своихъ, передаетъ часть управленія великаго своего семейства—къ вамъ обращается опечество; опъ васъ шребуепъ помощи и испрашиваепъ совѣта; опъ васъ ожидаепъ уничтоженія злоупотребленій и вознагражденія недостатковъ; вашей мудрости, вашимъ добродѣтелямъ, вашей опеческой любви повѣряепъ оно свои великіе полишическія выгоды; его благо въ вашихъ ру-

кахъ; вы соспавляете величіе и славу народа; въ васъ уважающъ образъ божества въ маломъ: ибо вы суть помазанники Вышняго—васъ Онъ избралъ въ повѣренныя Своего провидѣнія и въ помощники высочайшаго правленія и вы подлинно суть боги земли, когда точно исполняете существенныя ваши законы.—Какое важное назначеніе для человека! какая возвышенность! какое величіе характера! какимъ небеснымъ свѣтомъ блискаетъ его достоинство! какое блаженство можете сравниться съ одною мыслию—представляя лице божества, возлюбленнѣйшаго народу — быть опцемъ счастливаго семейства — опцемъ, котораго ежеминутно благословляютъ миліоны людей и который въ сердцахъ всѣхъ своихъ подданныхъ имѣетъ единый алтарь, гдѣ приносятся ему въ жертву любовь чистѣйшая!

О телѣкѣ въ обществѣ.

Дабы глубже напечатлѣть въ сердцѣ своемъ важность общественныхъ должностей и необходимость ихъ исполненія, мы напередъ покажемъ, сколь безконечно много выигрываетъ человѣкъ, живущій въ обществѣ предъ сыномъ природы, или дикимъ. Познаніе своего достоинства и выгодъ, коими онъ здѣсь пользуется содѣлаетъ для него обязанности пріятными, а исполненіе ихъ легкимъ.

Разсмапривая человѣка въ состояніи естественномъ, находимъ, что онъ слабъ, уединенъ, и какъ въ предпріятіяхъ своихъ, такъ и наслажденіяхъ чрезвычайно ограниченъ; жизнь его есть ничто иное, какъ непрерывная цѣпь бѣдствій и нищеты: будучи предоставленъ самому себѣ, пребываетъ онъ безъ всякой подпоры между множествомъ животныхъ, изъ коихъ однѣ устрашаютъ его своею лютостію, другія похищаютъ отъ него пищу и даже самую жизнь его приводятъ въ опасность. Такимъ образомъ онъ находится въ безпрестанномъ томленіи, и со

всѣхъ сторонъ окруженъ невыгодами и опасностями. Какіяжъ оспаютъ для него удовольствія? и недоспоинъ ли онъ по всей справедливости сожалѣнія?

Но посмотри на человека въ обществѣ: здѣсь выходя изъ униженнаго своего состоянія, возвышается онъ надъ всѣми созданіями; бытіе его принимаетъ степень совершенства купно съ умноженіемъ вѣрности и силы его; его могущество возрастаетъ съ силами общества, и слабый пустынный человекъ, который предъ симъ едва могъ воспротивиться нападенію небольшого хищнаго звѣря, безбоязненно идетъ теперь противу цѣлой толпы львовъ и тигровъ; онъ повелѣваетъ стихіями, не опасается смертоноснаго яду змѣи, не спрашивается ужасныхъ бурь природы и не уважаетъ ни палящаго зноя экватора, ни жестокаго мраза полюсовъ. — При всемъ томъ однакожъ сколь часто случается, что человекъ бываетъ недоволенъ общественною жизнью! Но сему причиною одно только неспособство его склонностей: забывъ всѣ выгоды настоящаго своего положенія, къ коимъ съ самой минутой

своего огорченія сдѣлался уже онъ нечувствительнъ и не имѣя правильнаго понятія о недостаткахъ первобытнаго состоянія, онъ мечтаетъ, что единственно только въ семъ послѣднемъ можно быть счастливу—жить, какъ бы въ раю прародителей; ибо воображеніе его магически собираетъ здѣсь всѣ какъ дѣйствительныя, такъ и мнимыя блага естественнаго состоянія въ одну блестящую картину, а причины отвораченія его къ общественной жизни изображаетъ въ противоположности красками гораздо ярчайшими.

Что сказано о выгодахъ общественной жизни, то разумѣть должно и о всѣхъ государственныхъ постановленіяхъ. *Больше, или меньше, дѣлаетъ между оными различіе, но не даетъ ни какого исключенія.* Кто имѣлъ счастье родиться въ благоустроенномъ обществѣ, тотъ тѣмъ болѣе обязанъ благодарить судьбѣ своей; поелику едва ли когда можешь опплатить за всѣ благодѣянія, доставляемыя ему симъ обществомъ. Но принадлежать къ обществу, состоящему подъ кропкимъ и мудрымъ правительствомъ—есль ни съ чѣмъ несравненное счастье

и только шопъ, кто никогда не испыталь, чпо значиль быль невольникомъ, кто какимъ ни еспь несчастнымъ случаемъ будучи поверженъ на брега варварскія, вдругъ принужденъ бываешъ сдѣлашся членомъ Тунгусской, или Японской орды; шопъ только поистиннѣ можетъ еще завидовать соспоянію еспеспвеннаго челоѣка. Но и при всемъ шомъ можно еще сказать, чпо челоѣку общеспвенному много оспаешся преимущеспва предъ дикимъ, и всякой впрочемъ къ какому бы онъ образу правленія ни принадлежалъ, долженъ съ признашельносцію подвергнутъ себя его законамъ. Общеспво, хопя бы его правленіе и не было лучшее, сохранияешся еще какими ниеспь законами; но безъ законовъ, безъ послушанія законамъ, безъ уваженія къ блюспишелямъ ихъ — чпо можетъ быль между людьми?

И такъ первая должностъ добраго гражданина соспощиль въ шомъ, дабы шочно поступать по законамъ земли, въ кошорой онъ живешъ. Ему надлежитъ пріобрѣспь сущеспвенное о нихъ познаніе — я говорю *сущеспвенное*, а не подробнѣйшее; ибо и первое

для человека, неназначеннаго ни къ званію судейскому, ни къ другой какой вѣпъви общественнаго управленія, во всякомъ случаѣ весьма доспапочно.

Поелику гражданскіе законы съ одной спороны принадлежатъ всегда къ правительству: по чрезъ непокорность онымъ оскорбляется самое учрежденіе общества. Они суть орудія, посредствомъ коихъ Государство извѣщаетъ членовъ своихъ о томъ, что находятъ полезнымъ къ ихъ общему благу.

По сему когда правительство потребуешь подаши и соразмѣрно состоянію каждаго учреждаетъ налоги, по уплаиваешь что либо изъ имѣнія своего и уменьшаешь чрезъ то причитающуюся съ него уплату, есть непростительное преступленіе; (*) ибо не упоминая уже о томъ, что непослушаніе и упайка сія никогда не мо-

(*) Такъ точно поступаютъ многіе богачи, которые объявляя едва половину своего имѣнія, бывають при томъ столько безстыдны, что безъ зазрѣнія совѣсти собирають плоды лихоимства, обмана и насильства чрезъ столько мерзостное у Государства похищеніе.

гупъ бытъ оправданы предъ обществомъ, шаковыя Государственныя обманщики уже и пошому весьма достойны наказанія, что сочленамъ своимъ подають столь опасный и вредный примѣръ. — Богатыя приходящъ въ искушение подражають имъ, а бѣдные должны тогда одни сносить всѣ тягоспш Государства.

Когда мы такимъ образомъ изслѣдуемъ каждый законъ, каждое учрежденіе общества, то найдемся въ непремѣнной необходимости бытъ онымъ послушными, еспли только хопимъ, дабы все способствовало къ великой и превосходной гармоніи, отъ которой зависящъ благо и силы цѣлаго.

Возспаемъ ли какое между членами общества несогласіе, зашѣвается ли между ними какая тяжба: то ни озлобленіе, ни личносшь не должны имѣть шупъ мѣста; каждый спряпчій долженъ бытъ стольже ко всякому безпристрастенъ, какъ и судія. Еспли бы какое общество состояло совершенно изъ честныхъ и благомыслящихъ людей, то каждый судъ между ними былъ бы ни что иное, какъ изысканіе истинны, при чемъ поступали бы столь же безпристрастно, какъ и

при рѣшеніи какой геомепрической, или нравспвенной задачи, и тошъ, кому удалось опкрыть истинну, ни на одно мгновеніе не замедлилъ бы объявить ее, хошябы и прошивъ самаго себя долженъ былъ произнести приговоръ свой. Конечно сіе положеніе покажетсѣ многимъ весьма спрогимъ, и я не сомнѣваюсь, чшобъ не почли его за одну фанпазію нравспвеннаго мечпателя; однакожъ не взирая на то оно навсегда пребудетъ истиннымъ — истиннымъ и яснымъ.

Наблюденіе государственныхъ законовъ есть существенная обязанность каждаго нераздѣльнаго; кто желаетъ быть добродѣтельнымъ, тошъ долженъ больше дѣлать, нежели говорить. Прекрасная душа никогда не удерживается въ пѣсномъ пространствѣ своихъ должностей, но воспламененная любовью къ добру, она всегда стремится изъ предѣловъ; способности ея пребуошъ неограниченной дѣятельности, а обспояпельства опредѣляютъ выборъ ея поступковъ.

Человѣкъ исполняющій только то, чего пребуошъ отъ него законы, далеко не достигаетъ степени совершенства, къ которой по достоинству

своему назначень и копорой ему доспигнуть возможно: ибо обращеніе съ подобными себѣ пребуесть опъ не-го гораздо важнѣйшихъ качествъ, существо общеспвенной жизни соспавляющихъ, между коими наипаче терпѣніе естъ самая превосходнѣйшая и драгоцѣннѣйшая добродѣпель. Терпѣніе научаесть насъ сносишь слабоспи другихъ людей, влечетъ къ союзу любви и дружбы, къ испинному и изящному, и пріучаесть уважашь благо общеспзенное больше, нежели свое собственное. Но не спягоспполи слѣдовашь сей добродѣтели?—О нѣтъ! она полько непоняшнапѣмъ людямъ, кои заняпы единспвенно сами собою, ослѣплены своею гордоспю и самолюбіемъ, смопряпъ на собственную свою высоту чрезъ увеличительное спекло суешноспи и пропивъ ближнихъ своихъ всегда бывающъ жестпоки и не умолимы. — Нѣтъ! очень непрудно пріобрѣспъ сію добродѣпель, еспъли полько захопимъ вникнуть въ самихъ себя и безприспраспными глазами разспотрѣпъ собственныя свои пороки, недоспатки, неразуміе и вообще всѣ ошпбки, кои уже учинили и

кои еще во всякую минути учинишь можемъ.

*Ближайшее разсмотрѣніе должностей
общественнаго человека.*

Должности суть необходимыя слѣдствія человѣческаго общежительства; онѣ суть дѣйствія и нравственностъ нашихъ поступковъ.

Изъ должностей человека происходятъ добродѣтели его и благополучіе. Когда онъ пренебрегаетъ познаніемъ и исполненіемъ оныхъ, то пренебрегаетъ и назначеніемъ своимъ — быть мудрымъ и счастливымъ.

Общество имѣетъ право требовать отъ каждаго человека точнаго исполненія предлежащихъ ему должностей, что самое предписываетъ и право естественное.

Мы здѣсь рассмотримъ, какого рода суть сіи должности, какимъ образомъ надлежитъ исполнять ихъ, и что отъ незнанія и пренебреженія оныхъ происходитъ.

Человѣческія должности можно бы заключить въ два правила: Будь справедливъ и вѣренъ истинѣ, и не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь.

Но сіи нравственныя изрѣченія, столь часто повсюрюаемыя, однакожь всегда худо понимаемыя и весьма на немногихъ дѣйствующія, значительны только для дѣйствительно мудрыхъ, коихъ много-объемлющій геній однимъ взоромъ усмаприваетъ въ сей аксіомѣ цѣлое должностей своихъ и сумму всѣхъ общеспвенныхъ добродѣтелей.

Почему разберемъ весь смыслъ оныхъ съ большею подробностію, дабы яснѣе опкрыть ихъ глѣмъ людямъ, копорыхъ слабый разумъ раждаетъ однѣ слабыя понятія, и копорые большею частію смотрятъ на свои должности сквозь завѣсу предразсудковъ и спраспей, и разсмаприваютъ одну внѣшность; о внутреннемъ же значеніи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Первая должность человека состоитъ въ познаніи самаго себя. Онъ долженъ увѣриться, что будучи въ цѣломъ совершенно подобенъ всѣмъ людямъ, въ собственномъ своемъ естествѣ не имѣетъ ничего, кромѣ склонности и стремленія къ своему благу, потребности и опносительныхъ правъ, и что сіе стремленіе, сіи потребности и права онъ долженъ сущеспвен-

но направлять всегда къ средней почкѣ нравственнаго порядка.

Изъ сего явствуетъ, что человекъ забываетъ первоначальныя свои обязанности къ ближнимъ не по иной какой причинѣ, какъ только по той, что не имѣетъ истиннаго самопознанія, и не вѣдаетъ необходимыхъ отношеній между собою и подобными ему.

Таковъй человекъ никогда не чувствовалъ, сколь необходимо познаніе себя для собственнаго нашего блаженства, никогда не вникалъ, что безъ сего не можетъ онъ знать ни истинныхъ своихъ обязанностей, ни тѣхъ распушпвъ, коихъ надлежитъ ему избѣгать, дабы постоянно утвердитъ свое счастье, ни спраспей, коимъ для спокойствія своего сердца онъ долженъ или твердо прошивиться, или въ надлежащей только мѣрѣ предавать себя, словомъ: человекъ незнающій самаго себя, не знаетъ и наспо-ящихъ своихъ выгодъ.

Въ семъ-то состоитъ основаніе всѣхъ тѣхъ непорядковъ, неумѣренности, постыдныхъ прихотей и пороковъ, въ кои онъ вдается на щетъ собственнаго своего здоровья и благо-

получія. И такъ незнаніе собственнаго своего естества есть слѣдствіе незнанія истинной нравственности; почему пользоваться предразсудками и суевѣріемъ людей на счетъ собственного ихъ блага и вперяшь имъ пагубныя правила — есть дѣло шокмо ложной полиптики.

Еслили кто желаетъ имѣть правильное о себѣ познаніе, то онъ долженъ рѣшительно опрестись отъ всѣхъ предразсудковъ и заблужденій, и чрезъ частое сравненіе дѣйствія своихъ склонностей пріобыкнувъ оплечать въ нихъ добрыя отъ худыхъ. Такимъ образомъ утверждаясь въ первыхъ и искореняя послѣднія, онъ часъ отъ часу будетъ больше приближаться къ своей цѣли: мало помалу научится основательно судить о каждомъ впечатлѣніи добра и зла на свое сердце и волю, и о томъ вліяніи, какое производя въ другихъ его твердость, справедливость, дружество и благонравіе; сообразно чему исправишь всѣ свои недостатки, опдалишь отъ себя гордость, высокомеріе, лживость и всѣ вредныя предразсудки, прошивныя свободному и опкровенному въ обществѣ обхожденію, и какъ скоро

однажды почувствуетъ успѣхъ, то уже легко извлечетъ изъ того и всю сложность истинныхъ должностей, которыми онъ обязанъ какъ относительно своего семейства и друзей, такъ и цѣлаго общества.

Тогда узнавъ что клевета, злорѣчіе, неправодѣтельность и фанатизмъ суть ничто иное, какъ ужасные бичи, разрушающіе миръ домашній и торговлю народовъ, онъ постарается испребить изъ своего сердца самомалѣйшій зародышъ спраспей сихъ и сохранитъ характеръ свой чистымъ отъ всѣхъ подобно симъ пагубныхъ пороковъ, привычекъ и обыкновений.

Онъ увѣрится, что ничего нѣтъ приличнѣе и выгоднѣе для челоуѣчества и полезнѣе для общества, какъ справедливость, кротость, челоуѣколюбіе, состраданіе, благопворительность, великодушіе и терпѣніе; почему соображая нравственностъ сердца и разума своего со всѣми сими добродѣтелями, скоро приобыкнетъ къ нимъ такъ, что онъ будетъ для него какъ бы врожденные. Такимъ образомъ одинъ только шагъ, который какъ самъ о себѣ, такъ и о другихъ правильно рассуждаетъ, совершенно

легко и безпрепятственно можетъ исполнить всѣ обязанности, возлагаемыя на него естественнымъ правомъ и здравымъ разумомъ.

Онъ умѣритъ господство надъ слабыми подобными ему людьми, и не пожелаетъ опягопить ихъ игомъ своего могущества: ибо онъ гнушается рабства, зная, что истинная свобода въ общественной жизни есть только относительная, и что для действительнаго наслажденія радостями жизни должно и другимъ дозволять оными пользоваться.

Онъ не будетъ ни жестокъ, ни мститель; ибо его примѣръ легко можетъ и въ другихъ возбудить жестокость и породить мщеніе. Вдова и сирота не возплачутся на его приискненіе—онъ не похититъ у нихъ послѣдняго куска хлѣба, дабы обогатиться добромъ, съ обладаніемъ котораго сопряжено проклятіе человѣчества; ибо знаетъ, что и его дѣти равно могутъ сдѣлаться сиротами.

Онъ не оспанется нечувствительнымъ къ несчастію своего ближняго и не увидитъ бѣднаго при дверяхъ дому своего умирающаго, или опъсужи оцѣненнаго безъ того,

дабы немедленно не поспѣшить къ нему съ своею помощію; ибо завтра подобный случай его самого также можешь постигнутьъ.

Онъ никого не оскорбитъ грубостію и не огорчитъ злонавіемъ; ибо его сердце облилось бы кровію, когда бы другіе поступили съ нимъ такимъ же образомъ.

Ненависть, зависть, злорѣчіе и клевета никогда не будутъ управлять его словами и поступками; ибо онъ знаетъ, что если и удался ему обратъ бурю надъ главою другаго, то ударъ оной легко можешь обратиться на негоже самого.

Онъ не спанетъ ни предъ кѣмъ пресмыкаясь и ласкашельствовашъ; ибо ему извѣстно, что низкія души добрыми людьми всегда бывають презираемы, и что даже самые шѣ, у коихъ подлостію своею на нѣкоторое время выигрываютъ онѣ благосклонность, никогда подлинно ихъ не любящъ и не почитающъ, и пользуясь ими только до времени, пока имѣють въ помъ свою надобность, дабы послѣ немедленно пренебречь ими, какъ чудовищами, отъ коихъ немедленно надлежитъ освободиться.

Онъ не станеть дѣлать плановъ и выдумывать прожектовъ, чрезъ кои десятеро обоготцаются, а десять тысячъ низвергаются въ бѣдность; ибо съ подобными затѣями легко можетъ явиться и другой, отъ котораго почто также онъ самъ можетъ подвергнуться участи послѣднихъ.

Онъ не исполкуеть закона во вредъ угнѣтаемаго ни ради денегъ, или благосклонности богача, ни ради могущественнаго, но несправедливаго припѣснишеля; ибо сей же передѣланый несправедливымъ образомъ законъ, сія же ябѣдническая увертка, послужившая тушь въ его пользу, въ другой разъ легко можетъ быть обращены противъ него, и адское сіе искусство сдѣлаеть его спрашилищемъ предъ современниками и попомствомъ. Нѣтъ! онъ не уничижитъ законовъ справедливости ни ябѣдничествомъ, ни ложнымъ ихъ изъясненіемъ и изъ подпоры справедливаго дѣла не станеть ковать оружія противъ невинности; они пребудутъ для него всегда священными, какъ законы чловѣчества и тихіе мирные труды истинны; ибо онъ увѣренъ, что не возможно нарушить и изпровергнуть ихъ безъ

того, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ не разрушилъ и основаній, на коихъ утверждается общественный его домъ, его свобода, благосостояніе, радости, нравственность и самое человѣчество.

Такъ — по опыту, размышленія и частыя сравненія приучаютъ человѣка выводилъ изъ дѣлъ справедливыя послѣдствія и вникаетъ въ основанія причинъ. Опытъ сего общественныя добродѣтели его принимающъ возвышенную склонность и разумъ всюду одерживаетъ побѣду.

Когда онъ обрѣтается въ нѣдра своего семейства, то всѣ чувствованія его сердца изливаются путемъ въ непришворной откровенности: онъ почитаетъ своихъ родителей съ выразительною благодарностію, утѣшаетъ ихъ съ благоугожденіемъ, изъ глубины души произпекающимъ, любитъ свою супругу съ живѣйшею нѣжностію, изливающейся въ непрерывныхъ угожденіяхъ и спомоществованіи ея силамъ, и которая непрестанно больше и больше возвышается чрезъ прелесть стыдливости и дѣйствіе воздержанія.

Супружеская вѣрность для него ненарушима; ибо онъ знаетъ, что ни сердце, ни утѣхи его ни мало опы-

того не перяютъ и что непостоянство есть ядъ для радостей, который по времени всегда производитъ отвращеніе.

Онъ ласкаетъ дѣтей своихъ и не обращается съ ними какъ школьный наставникъ, или какъ бранчивый и угрюмый повелитель, но какъ другъ, какъ отецъ, утѣшающійся своими малюпками, какъ драгоценнымъ залогомъ любви и даромъ провидѣнія.

Онъ любитъ ихъ съ чувствомъ нѣжности, для выраженія которой ни въ одномъ лексиконѣ не находится имени, съ чувствомъ, которое имѣетъ мѣсто только въ сердцѣ отца; да и какъ ему не любить ихъ? онъ человекъ— онъ отецъ!

Когда онъ бываетъ въ кругу друзей своихъ, то сила его характера и числа склонностей ни мало не перяются при достоинствѣ и вліяніи ихъ. Онъ дѣлитъ между ними все свои добродѣтели, сообщаетъ имъ все свои мысли и беретъ въ нихъ самое искреннѣйшее участіе. Нравственное его счастье внутренне плѣняетъ его окружающихъ, и еслили сія картина не можетъ произвести столь сильнаго дѣйствія, какъ изображеніе добраго семейства, то

сіе конечно по той токмо причинѣ, что нераздѣльные оной не сіюль одинаковы и подобны; что здѣсь разумъ вступаешъ, важеиъся, на мѣсто самой природы, дабы изъ нѣжной спраси образовать тихій, но крѣпкій союзъ, безпрерывно въ самомъ источникѣ своего произхожденія возрастающій и умножающій сокровище чувствительности и совокупности его наслажденій.

Когда посмотримъ теперь на сего человека въ обществѣ, то увидимъ, что онъ благоразумно и счастливо исполняя всѣ должности сына, отца, супруга и друга, конечно съ легкостью будешъ исполнятъ и обязанности добраго гражданина; ему споишь только взять въ примѣръ собственный свой домъ и великое семейство цѣлаго общества сравнишь съ своимъ: старики суть для него другіе отцы, которыхъ онъ почишаешъ и которыхъ совѣтамъ и предостереженіемъ слѣдуешъ съ кропкою внимательностію; нуждающіеся и несчастные соспавляюшъ его дѣтей, его братьевъ, коихъ онъ съ сердечнымъ учасіемъ утѣшаешъ и безъ гордости, безъ прѣгованія благодарности, благодарствуйешъ. Всѣ прочіе люди суть его друзья, съ коими

рыми онъ честно и откровенно обращается. Ни щегольство богачей, ни пышность временщиковъ его не ослѣпляютъ; блескъ счастія не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ его; онъ ко всему равнодушенъ, все измѣряетъ одинакимъ взоромъ—лишь единая добродѣтель привлекаетъ его; мимо всего проходитъ безъ вниманія—но предъ нею останавливается съ почтеніемъ.— И подлинно, человекъ познавшій самаго себя, изучившій свое сердце и испытавшій отношенія свои къ другимъ людямъ, всегда пребываетъ вѣренъ въ исполненіи своихъ обязанностей; ни что не можетъ помрачить его добродѣтелей и счастія, — развѣ одно только злополучіе времени и глупость предразсудковъ попревожатъ иногда его спокойствіе.—

Здѣсь изложены мною во всемъ значеніи два выше приведенныя правила: *будь справедливъ и не дѣлай того другимъ, чего себѣ не желаешь*. Однакожь я никакъ не почишаю сего достаточнымъ для совершенной нравственности; человекъ строго наблюдающій сіи правила хотя поступаетъ хорошо и справедливо; но совсѣмъ нѣтъ еще

весьма далеку отъ степени совершенства, на которую возвышаетъ его нравоученіе христіанское. Въ немъ одномъ содержишься высочайшее побужденіе къ добру; оно одно вливаетъ въ сердце наше священнѣйшія чувствованія добродѣтели!—Я не имѣю намѣренія показати чрезъ сіе, сколько далеко естественная мораль отстоитъ отъ христіанской, а хочу только замѣтити, что и сіе описаніе естественно добраго человека можетъ быть достапно, дабы подтвердить истину, что человекъ, познавшій самого себя и отношенія свои къ другимъ, какъ пропивъ себя, такъ и къ другимъ всегда будетъ справедливъ.

Общая обязанность каждаго члена въ общество.

Въ Государствѣ отъ Монарха до послѣдняго гражданина каждый обязанъ часть своего времени обращать къ пользѣ общественнаго блага; слѣдственно работа каждаго члена общества должна быть соразмѣрна выгодамъ, коими онъ наслаждается.

Нѣкоторые думаютъ, что какъ сіе, такъ и другіе подобныя тому правила

вовсе до нихъ не касаются, и пошому-
то употребленіе сказанной нами
истинны во многихъ мѣстахъ свѣта
очень рѣдко.

Но пусть всѣ таковыя, которые не
уважая ни прилежаніемъ гражданина, ни
трудолюбіемъ земледѣльца, теряютъ
лишь въ единой праздности дни свои,
пусть всѣ сіи посмотришь на Го-
сударя, подающаго каждому высо-
кій собою примѣръ—Государя, ко-
торый первый подвергаетъ себя сему
закону, подлинно ни въ одной книгѣ
не находящемуся, но существенно изъ
самыхъ отношеній общества проис-
текающему. Сей глава своего Царства
окруженный величіемъ, честию, богат-
ствомъ и всѣми дарами счастія — вы-
сокою и могуществомъ своимъ воз-
носящійся надъ всѣми людьми,
наиболѣе прочихъ обремененъ и за-
ботами и дѣлами общественными.
Сколь пространно поле его власти,
важности и величія, столь же обши-
ренъ и кругъ его дѣятельности: онъ
едва находитъ время обратишь вни-
маніе свое на богатство и великолѣ-
піе, блестящія около его прона. Ме-
жду тѣмъ какъ упомянутый земледѣ-
лецъ возвращается съ поля и упокои-

ваеиця опъ дневнаго труда своего, ремесленникъ оканчиваетъ свою работу и предаеиця сну, а праздные господчики подобно блудящимъ огнямъ лѣтають повсюду и въ теапрѣ, или за виномъ и другими ушѣхами проводящъ въ разсѣянїи свое время, дабы поупру могли проспавъ по крайней мѣрѣ половину пягоспнаго для нихъ дня.—Государь сей занящъ еще дѣлами своего правленїа и бодрствуетъ надъ благомъ своихъ подданныхъ.—

Но въ раздѣленїи великаго числа занятїй, которыя представляетъ общество для своихъ членовъ, должно наблюдать приличный выборъ, дабы каждый съ надлежащею пользою могъ исполнять возлагаемую на него обязанность, что безъ сомнѣнїа заслуживаетъ нѣкотораго размышленїа. Весьма часто бываетъ, что иный занимаетъ мѣсто для одного токмо блеску и не имѣя даже ни малѣйшаго понятїа о подлежащихъ ему упражненїяхъ, а другой оспаетця безъ всякой должноти, между тѣмъ, какъ на мѣстѣ перваго могъ бы показавъ гораздо лучшїа Государству услуги. Такъ на примѣръ, когда богатый капиталистъ проводитъ роскошную жизнь въ спюлицѣ, и для одного ви-

ду занимаесть въ государствѣ важную
должность, ни мало не заботясь о пруд-
дахъ, съ оною сопряженныхъ и пре-
поручивъ управленіе дѣлъ другому;
напрошивъ же того прудолюбивый
дворянинъ живеть въ непримѣнномъ
углу царства, упражняесться въ обра-
ботываніи своей земли, печется о пло-
дородіи своихъ полей, воспитываетъ
государству достойныхъ сыновъ, улуч-
шаетъ состояніе своихъ поданныхъ,
помогаетъ несчастнымъ, его окру-
жающимъ, предпринимаетъ полезныя
учрежденія въ своемъ округѣ и распро-
страняетъ всюду папріотическій об-
разъ мыслей—такъовый дворянинъ ко-
нечно несравненно важнѣе для обще-
ства среди сельскихъ своихъ занятій,
чѣмъ роскошный вельможа, коего одно
имя извѣстно подчиненнымъ его.

*О поступкахъ человека въ отношеніи
къ общественной жизни; о преступле-
ніяхъ и наказаніи.*

Поступки человека суть отличительные знаки его добродѣтелей и пороковъ, его проницабельности и погрѣшностей. Ихъ должно раздѣлить на два

класса: одни суть минувные, другіе продолжающіеся. Минувные поступки опредѣляютъ только измѣненія нераздѣльнаго и силу его способностей; изъ продолженія же одного, всегда себѣ подобнаго, основательнаго и по однимъ и тѣмъ же правиламъ обдуманнаго поступка можно вывести слѣдствіе, какой похвалы, или какаго наказанія достоинъ дѣйствующій.

Въ сихъ двухъ различіяхъ находятся еще безконечныя отпѣнки, больше или меньше означающіе добрые либо худые поступки, смотря по понятіямъ и мѣстнымъ законамъ общества.

И такъ никогда не должно полагаться на согласіе, или разногласіе поступковъ человека съ случайнымъ закономъ, чтобы рѣшительно раздѣлить ихъ на добрые или злые, справедливые или несправедливые. Нравственно хорошій и справедливый поступокъ не всегда есть тотъ, который сходствуетъ съ расположеніемъ случайнаго закона (*legis accessoriae*) и съ образомъ мыслей законодателя. — „Законъ, говоритъ Цицеронъ, есть что ложная только тѣнь истинной справедливости.“ — Самый совершен-

нѣйшій законъ оставляетъ намъ всегда желать еще вновь многихъ постановленій и разрѣшеній.,, Сіе происходитъ отъ того, что законодатель или не имѣетъ иногда надлежащей проницательности, вниманія и точности, дабы сообразить всѣ возможные случаи того обстоятельствова, для котораго онъ составляетъ законъ; или, что очень не рѣдко случается, руководствуясь національнымъ интересомъ и заблужденіями политики, допускаетъ господствовать надъ собою предразсудкамъ, обычаю и законнымъ злоупотребленіямъ; по сему выходитъ, что признаваемое въ одномъ мѣстѣ за дозволенное и честное, въ другомъ считается несправедливымъ, и что справедливость споль переменна, что даже не имѣетъ ни какого опредѣленнаго правила. Часто вмѣсто истинной справедливости принимають одни только ея виды, кои въ кодексѣ нѣкоторыхъ законодателей, руководимыхъ черною желчью, начертаны кровавыми красками. Таковая справедливость есть ничто иное, какъ обманчивое покрывало той, о коей научаетъ насъ разумъ. Каждое доброе дѣйствіе, будучи таковымъ

по еспесству своему, и въ гражданскомъ обществѣ должно быть признано справедливымъ, и все, что, чѣмъ распоряжающъ гражданскіе законы, должно быть также справедливо. Но сколько ни представляй себѣ совершенными различные законы Государства, все еще они не ведутъ къ истинной справедливости!,, Немного добраго, говоритъ Сенека, еспьли не иначе ведутъ себя, какъ по машпабу законовъ. Правило должностей чловѣка распространяется гораздо далѣе правъ гражданскихъ.“

Еспьлибъ поступокъ, безъ всякаго изъяснїя прошивный положенію закона и мнѣнію законодателя, былъ дѣйствительно золь и несправедливъ; но въ семъ случаѣ несомнѣнно бы можно было положитьсь, что законодатель былъ чловѣкъ надежный и въ сочиненіи своемъ руководствовался однимъ только еспесственнымъ закономъ.

Справедливые поступки не всегда таковы по одной и той же причинѣ, хотя почнѣйшимъ образомъ согласованы съ тѣмъ самымъ закономъ и намѣреніемъ, по которому о нихъ разсуждаемъ; чловѣкъ до тѣхъ поръ оставапся игрушкою законовъ другаго чловѣка, пока сей не будетъ имѣть

своихъ предразсудковъ и различныхъ
ошъ общаго интересовъ.

Чтобъ дать простую и опноси-
тельную мысль о добрыхъ или злыхъ
поступкахъ, то должно сдѣлать та-
кое между оными различіе, которое
бы сколько возможно меньше было
изыскано и поддѣлано; опредѣленіе
оныхъ надлежитъ выводитъ единствен-
но изъ основанія добра и зла и изъ
самаго естества вещей.

Добрые поступки основываются
на силѣ и крепости склонностей и
на чистотѣ понятій о справедливо-
сти и добрѣ. Недовольно того, чтобъ
ближнему своему не дѣлать зла; но
надлежитъ еще всячески оказывать
ему добро, отдавать справедливость,
помогать въ его нуждахъ, защищать
отъ всякихъ нападковъ гордости и
злости. Справедливый и чувствитель-
ный человекъ всегда готовъ и даже
ищетъ воспользоваться случаемъ о-
казать гдѣ ни есть доброе дѣло.

Злые поступки напротивъ проис-
ходятъ отъ нечувствительности и
спроптивости склонностей и ложныхъ
понятій о правосудіи и добрѣ. Злый
человекъ не довольствуется тѣмъ,
что ближнему своему не дѣлаетъ ни

малѣйшаго добра, но еще всячески спарается учинить ему зло, жадно хвапаетъ каждый случай, дабы оказати ему несправедливостъ; пользуется слабостію и бѣдностію его, дабы больше угнѣсти его и увеличить бремя его бѣдствій, а при томъ, что всего хуже, находится еще въ пагубномъ, ложномъ мнѣніи, будто бы все сіе идетъ по праву и порядку вещей, что жертва его глупости и злости дѣлается таковою изъ собственной ея вины, что несчастные сами себя вовлекаютъ въ судьбу свою чрезъ кичливость, непокорливость и проч. Таковой почто такъ разсуждаетъ о правахъ своихъ, какъ измѣнническій и прожорливый волкъ, который бросается на смирнаго ягненка, осмѣливаго внизу того же самаго источника пить съ нимъ воду; и сіе опъ того, что обыкновеніе порока и сила предразсудковъ такъ вкореняется въ волю человека, что онъ даже самъ надъ собою не можетъ уже быть власпелиномъ.

И такъ дабы основательно судить о поступкахъ человека, надлежитъ брать въ рассмотрение не одно какое либо изъ преходящихъ его дѣй-

спвѣй, но цѣлый рядъ его жизни, всю сумму его дѣяній.

Такимъ образомъ человѣкъ по одной только слабости учинившій худое дѣло, не будетъ еще принадлежать къ класу порочныхъ, такъ какъ и пошль, который въ одномъ только случаѣ оказалъ себя справедливымъ и благороднымъ, не почтется за добродѣтельнаго.

По сему нельзя сказать, чѣмъ существовала въ мѣръ совершеннѣйшая добродѣтель, и слабость людей, врожденная имъ отъ самой природы, пребудетъ, чѣмъ о поступкахъ ихъ никогда не судили по всей строгости.

Когда мы подлинно хотимъ быть справедливыми и достойными снисхожденія другихъ, то съ своей стороны должны во всякомъ случаѣ внимательна и по совѣсти различать какъ степень злости и порока, такъ степень справедливости и добродѣтели.

Люди больше слабы, чѣмъ злы!— Вотъ положеніе, которое споль истинно, что заслуживаетъ быть напечатлѣннымъ въ сердцахъ каждаго суди и законодателя и всѣхъ ихъ, кои по собственному несправедливому

своему произволу присвоиваютъ себѣ право судить о поступкахъ людей! Какое было бы облегченіе для чело-вѣческаго сердца, еслилибъ каждый увѣренъ былъ въ сей неоспоримой истинѣ; еслилибъ каждый извлекъ изъ того по-стоянныя правила для своего счастья; и чрезъ физическое изученіе самаго себя попыщился бы узнать основаніе сихъ враждованій, сей ненависти и сихъ слабостей, которыя преслѣдуютъ чело-вѣка во всю жизнь. — Какія необходимы истинны открылъ бы онъ тогда чрезъ сей анализисъ! Сколь много бы краснѣлъ онъ опъ прежняго собственнаго сво-его безстыдства, варварскаго и неспра-ведливаго ослѣпленія, — недозволявшаго ему въ собраціяхъ своихъ примѣчать добродѣтелей! — Какъ многобы стыдил-ся онъ ошибокъ, кои имѣлъ съ ними общія! — Онъ не судилъ бы тог-да о своемъ ближнемъ столь одно-сторонно, съ такою непріязненностію и пристрастіемъ; онъ умѣлъ бы цѣ-нить *цѣлое* по компасу Философіи и вѣсамъ Физики и опредѣлять въ каж-домъ характерѣ степень добра и зла, совершенства и несовершенства, про-исходящія въ чело-вѣкѣ больше опъ

воспитанія, обстоятельство, судьбы и темперамента, чѣмъ отъ собствен-
ной его воли. Онъ однимъ взоромъ
чрезъ сенситивическую и аналитиче-
скую перспективу своихъ сравненій раз-
личилъ бы тысячу относительныхъ
и положительныхъ оппѣнговъ, кои
всѣ существенно принадлежатъ къ его
благу, къ его сужденіямъ и спокой-
ствію его воображенія.

Какое удовольствіе для человѣка!
Или еще болѣе : какой высокой степень
совершенства, когда онъ внутренно
чувствуетъ себя увѣреннымъ, что че-
ловѣкъ дѣлаетъ зло не ради зла, но
только по слабости, соединенной съ
естествомъ его, и что сіе зло есть
всегда неизбежное слѣдствіе незнанія
и предразсудковъ, кои нѣкогда непри-
мѣнно исчезнутъ, коль скоро свѣдѣль-
никъ Философіи озаритъ его сердце!

*Должность споспѣшествовать благо-
состоянію своего ближняго.*

Уже одно естественное право
налагаетъ на каждаго человѣка обя-
занность, споспѣшествовать благосо-
стоянію и выгодамъ своего ближняго.

Сіе происходитъ больше или меньше опредѣленнымъ образомъ и при томъ такъ, что самая обязанность пещись о собственномъ своемъ добрѣ, выигрываетъ чрезъ то весьма много. — И подлинно: наше благо столь много зависитъ отъ блага нашихъ ближнихъ, что если мы разсмотримъ вещь сію безъ всякихъ предразсудковъ и гордости, то вѣрно увидимъ, что въ то самое время, какъ помогаемъ пользѣ ближняго, прудимся и въ улучшенію собственныхъ нашихъ выгодъ.

Возмемъ въ примѣръ справедливаго и добраго Государя. — Онъ увеличиваетъ собственную свою славу и удовольствіе своего сердца, когда заботится о благѣ подданныхъ, зависящемъ отъ его попеченій. Одобрѣя ихъ таланты и трудолюбіе, поощряя земледѣліе и облегчая средства жить мирно въ нѣдрѣ ихъ друзей и ненарушимой безопасности, онъ доставляетъ имъ дѣйствительныя выгоды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самому себѣ пріобрѣтаетъ отъ нихъ любовь и благословленіе.

Такъ всякой человѣкъ по состоянію своему чѣмъ ни есть, но всегда можетъ быть для дру-

тихъ полезнымъ : одинъ пріемлетъ на себя попеченіе о воспитаніи и образованіи юношества, дабы сдѣлать изъ онаго добрыхъ и достойныхъ членовъ общества; другой занимается изобрѣтеніемъ разныхъ художественныхъ орудій, служащихъ къ облегченію трудовъ и къ умноженію спокойствія жизни; сей заводитъ фабрики и подаетъ чрезъ по многимъ семействамъ способы къ пропитанію; пошъ наконецъ чрезъ торговлю свою споспѣшествуетъ промысламъ и водворяетъ въ опечеснвѣ своемъ изобиліе. Однимъ словомъ: каждый имѣетъ разные способы служить къ пользѣ и выгодѣ своего ближняго, и при томъ еще сколь часто случается, что иногда мы можемъ сдѣлать для другихъ весьма важную услугу такимъ образомъ, что она не будетъ стоить для насъ ни малѣйшаго пожертвованія и труда. Почему пренебрегать таковыми услугами есть дѣло одной только лѣнивой и нечувствительной души — дѣло человека, составляющаго бесполезное и тягостное бремя общества и заслуживающаго всякое презрѣніе. Но напротивъ охотное и безвозмездное оказаніе другимъ такихъ услугъ, кои

пребуютъ отъ насъ издержекъ, заботы и усилія, принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ способамъ бытъ благодѣтелемъ чело-вѣчества. Таковое безкорыстное способствованіе благу своего ближняго прилично только истинно великой душѣ, и опличаетъ славнѣйшимъ образомъ настоящаго философа-христіанина отъ людей обыкновенныхъ.

Кротость.

Сіе тихое чувство состраданія раждаетъ въ насъ правильное понятіе о справедливости и добрѣ, и въ минути чело-вѣческой слабости убѣждаетъ великодушнаго Государя и просвѣщеннаго судію простить виновному, коего преступленія часто происходятъ больше отъ худаго положенія и обстоятельствъ, нежели отъ испорченности характера.

Принимая въ цѣломъ, можно сказать съ справедливостію, что кротость есть врожденная добродѣтель великихъ Государей, въ душѣ коихъ сіяетъ она всегда съ блескомъ, достойнымъ ихъ величія. Чрезъ нее подаютъ они неоспоримое доказатель-

ство своимъ подданнымъ, что имъ дѣйствительно извѣстна бѣдностъ и слабостъ людей, равно какъ и добрая сторона человѣческаго сердца.

Кротостъ есть существенная принадлежностъ всѣмъ человѣкамъ; но еще больше принадлежитъ она тѣмъ, кои господствуютъ надъ своими собратіями и судятъ ихъ дѣянія. Нравственностъ и самое право естественное требуютъ, дабы каждый Государь, каждый Повелитель, которому общество вручило кормило правленія и кодексъ своихъ законовъ, поставлялъ въ непремѣнную себѣ обязанностъ быть кроткимъ и справедливымъ, не допускалъ въ сердцѣ своемъ — сотворенію для любви — водворяться гордости и самолюбію, и никогда не выпускалъ изъ рукъ вѣсовъ правосудія и зерцала истинны; но всячески напрошивъ того стараться, дабы основательно разсуждалъ о всѣхъ случаяхъ, кои доводятъ несчастнаго до того, или инаго злодѣянія; входилъ въ положеніе послѣдняго изъ подданныхъ, и дабы яснѣе и соотвѣтственнѣе благородству и величеству его власти выразиться, скажемъ кратко: онъ долженъ всегда сужденіе

свое, изрѣкая оное надъ существомъ себѣ подобнымъ, сопровождавъ основательнымъ опытомъ. — Слава и удовольствіе собственнаго его сердца во всякомъ случаѣ извинявъ его снисхожденіе.

Августъ, Тимъ, Генрикъ IV, знаменитый Царь Пётръ I, обладали сею прекрасною добродѣтелью и пользовались ею съ великою душою, которая одна сдѣлала имена ихъ безсмертными. Исторія не престанетъ повторять попомству похвалу и одобреніе свое симъ истинно великимъ Государямъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколь удивительно для Монарха во всѣхъ буряхъ судьбы сознаніе собственной своей доброты когда онъ самъ въ себѣ видитъ нѣжнѣйшаго и любезнѣйшаго отца, лучшаго друга своихъ подданныхъ; когда безъ страха и угрызенія совѣсти можетъ разсматривать свое сердце и не примѣчать въ немъ кровавыхъ чертъ оскорбителя челоѣчества! Не возбуждается ли радость его въ полной мѣрѣ, когда онъ во внутренности сего сердца зрѣтъ образъ своихъ добродѣтелей, начертанный живѣйшими красками, и въ дополненіе сей картины — величественный профѣй своей кротости, означен-

ный въ пламенныхъ чертахъ рукою справедливости и челоуѣчества? Не находилъся ли онъ тогда на высочайшей степени своей славы! не знаменитѣйшая ли то для него побѣда, когда пронъ его окруженъ множествомъ счастливыхъ подданныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя подходятъ съ почтеніемъ лобызать его скипертъ, другіе у ногъ его проливаютъ слезы раскаянія и ошвсюду возносятъ до небесъ сладкіе тоны радостныхъ восклицаній, какъ знаки глубочайшаго уваженія и живѣйшей благодарности?

Въ Государяхъ добродѣтель сія есть родъ возвышенности шѣмъ болѣе достойной удивленія, что ласкапельство придворныхъ и печальная возможность мщенія не рѣдко приводятъ ихъ въ опасностъ уклонитъ ся ошъ милосердія. Часто Государь, наипаче когда онъ еще молодъ, когда чувствительное сердце его утѣшается единымъ только удовольствіемъ прощать и дѣлать другихъ счастливыми, бываетъ удержанъ на благородномъ поприщѣ своемъ чрезъ вѣроломство нѣкоторыхъ знапныхъ, коихъ вся польза состоитъ единшвенно въ томъ, чшобъ скрывать ошъ него истинну,

и важность его власти обращать къ гибели невиннаго и къ своему собственному обогащенію. Сколь часто прешагала бы рука добраго Государя, есшлы бы онъ подписывая смертный или тому подобный приговоръ, непредубъжденный никакимъ ложнымъ подлогомъ, могъ ясно видѣть, что здѣсь одною черпою разрушаетъ счастье семейства, а шамъ жизнь оклеветаннаго. И кто не согласился со мною, что сіе чудесное дѣйствіе, производимое въ чловѣкѣ кропосію, есть дѣло Высочайшаго предвидѣнія, охраняющаго душу Монарха отъ впечатлѣній высокомерія и жестокости, чрезъ кои толпа ласкателей стараются сдѣлать его орудіемъ страстей своихъ? Милосердіе Государя, его чувствительное сердце и наипаче его кропосъ суть истинныя свидѣтельства справедливости его власти, и прямо Божескаго назначенія—быть Вѣнценосцемъ.

О вы великіе земли! Цари и Повелители! познайте важность должностей своихъ, приучите сердце свое къ чувствительности и любви къ правосудію; возвысьте духъ вашъ надъ блестящимъ ничтожествомъ при-

дворной жизни, надъ пустымъ величіемъ и ложнымъ славолубіемъ! Тогда сколь многими восхитительными минутами неописаннаго удовольствія будете наслаждаться на вашемъ тронѣ! Бремя царскаго вашего достоинства облегчится; ни забота, ни печаль, ни страхъ, или недовѣрчивость не помрачатъ чела вашего, на коемъ будетъ блистать одна небесная радость, какъ лучъ солнца въ капль чистой росы—радость зрѣть слезы признательности и внимать восклицаніямъ счастливыхъ, кои благодарятъ великодушному вашему сердцу за жизнь свою, честь, свободу и благополучіе; за сохраненіе опца, супруга, дѣтей и за самое свое исправленіе. Сколь многія добродѣтели возникнутъ тогда чрезъ величественное отраженіе вашихъ, и сколь высокое подадите вы чловѣку понятіе о благости Всемогущаго, если вы на землѣ самымъ дѣломъ будете показывать собою живой образъ Божества!

Кротость Монарха имѣетъ такое дѣйствіе, что плѣняя сердца, навсегда утверждаетъ его въ добромъ мнѣніи народа, которое какъ скоро уже однажды сдѣлается для

всѣхъ общимъ, по счастливыя об-
 стоятельствва сами собою будупъ
 стекапьяся, дабы принести ему всю
 честь благопворишеля и опца опечес-
 ства. Каждый гражданинъ тогда съ
 радостнымъ видомъ говоришъ друго-
 му: какой великодушный, какой добрый
 у насъ Государь! Это Генрикъ IV,
 Пешръ I, Маркъ Аврелій нашего спо-
 лѣшя. Опечесство наше сдѣлается ве-
 ликимъ и сильнымъ; мы будемъ не-
 нарушимо наслаждапьяся плодами слад-
 каго мира и неприкосновенная безо-
 пасность станепъ охраняпъ нашу
 собственность. Теперь со всѣми на-
 родами находимся мы въ самомъ вы-
 годнѣйшемъ союзѣ и никогда не подни-
 мемъ своего оружія, развѣ только про-
 шивъ одного сильнаго разбойника, ко-
 торый опважипся угрожапъ спокой-
 ствію нашихъ предѣловъ, или когда какіе
 варвары дерзнушъ въ оныя вшоргнушъ-
 ся. Какое благополучіе можепъ сра-
 внипьяся съ нашимъ? Великій и малый,
 богатый и бѣдный, господинъ и слу-
 га—всѣ у насъ счастливы; ибо на всѣхъ
 блистаюпъ добродѣтели лучшаго Мо-
 нарха. Вельможи и богачи также спра-
 ведливы, добры и кропки; поелику

нашъ Государь, вселюбезнѣйшій нашъ Опець, любящъ одно только то, что справедливо, и ежедневно даетъ самъ собою примѣръ, какъ прощать и благошворить — какъ во всѣхъ своихъ поступкахъ быть больше подобнымъ Божесшву.

Краткія разсужденія о законахъ.

Уложеніе разума есть предвѣріе ко свящилищу законовъ: оно есть свѣтъ, озареніе коего сопровождаетъ молодыхъ юриспрюденшовъ во храмъ Правосудія. Мы предложимъ здѣсь самыя необходимыя для законодавца понятія и правила, копорыми онъ, какъ другъ человѣческа, долженъ руководствоваться.

I.

Въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, при всѣхъ разнообразныхъ онаго учрежденіяхъ, господствуетъ или власть, или законъ, и при томъ либо власть скрывается подъ закономъ, либо законъ поддерживается властію. Отъ сего происходятъ три источника несправедливости: I, насиліе явное,

2, насиліе скрывающееся подъ завѣсою законовъ и наконецъ 3, насиліе, производящее опъ жестокости самаго закона.

2.

Когда какой человекъ причиняетъ другому несправедливостъ, то онъ побуждается къ тому или дѣйстви- тельною своею выгодною, или удоволь- ствіемъ; но есѣлибъ законъ не пред- лагалъ прибѣжища и защиты прииѣ- няемымъ: то въ семъ случаѣ малѣй- шій примѣръ ненаказанной несправе- дливости произвелъ бы весьма мно- гихъ подражаателей и какъ для сама- го зачинщика, такъ и для общества могъ бы сдѣлаться опаснымъ. Почему каждый будучи увѣренъ самымъ опы- томъ, что на общественной безопя- сности основывается и собственное его благо, старается лучше воздержи- вать себя опъ таковыхъ поступковъ и ненарушимо соблюдать спокойствіе своего ближняго. Опъ сего происходитъ то повсемѣстное согласіе, которое со- ставляетъ законъ. Есѣли сила какого закона по времени и обстоятельствомъ ослабѣваетъ, или по злоупотребленію даже вовсе измѣняется: тогда законъ

сей дѣлается больше вреднымъ, нежели полезнымъ. И въ такомъ случаѣ помянутое нами всеобщее согласіе перемѣняется въ крामолу, спремещающуюся или во все пошъ законъ разрушивъ, или давъ ему новую силу.

3.

Частное право (*jus particulare*) пребываетъ подъ покровительствомъ права общественнаго (*juris publici*). Законъ бодрствуетъ надъ гражданами, а начальство надъ закономъ; важность и власть начальства зависятъ отъ постановлений Государства, или отъ дѣятельности коренныхъ его законовъ. Все неминуемо приходитъ въ ослабленіе и бездѣйствіе, какъ скоро въ коренныхъ законахъ Государства дѣлается предосудительная какая перемѣна.

4.

Общественное право распространяется не только на выгоды Государства и его нераздѣльныхъ, но и на самое богопочищеніе, на воинскую подчиненность армій, на роскошь городовъ и богатство торговли. Однимъ словомъ, оно заключаетъ въ себѣ все то, что называется благомъ обще-

спивеннымъ, или имѣетъ къ оному отношеніе.

5.

Какъ побудительная причина, такъ и дѣйствіе закона должны имѣть въ виду единственно только благосостояніе гражданъ, которое основывается и утверждается на непорочности нравовъ, умѣренности и порядкѣ полиціи, на единообразномъ раздѣлѣ правосудія, и наконецъ на силѣ и богатствѣ Государства. Въ семъ отношеніи законы суть нервы благоустроеннаго Правительсва.

6.

Нѣкоторыя изъ законовъ суть превосходнѣйшіе, безприспираспнѣйшіе и дѣйствительно совершенные; таковыя всегда должны быть справедливы, ясны, удобоиспольнительны, соопвѣстивенны цѣли правленія и вообще способны сдѣлать гражданъ лучшими и добродѣшительнѣйшими; или короче: хорошіе законы должны заключать въ себѣ всѣ необходимыя отношенія, по которымъ какая нибудь вещь пребываетъ такъ, какъ она дѣйствительно есть и не иначе быть можетъ,

какъ въ томъ видѣ и положеніи, въ какомъ она есть. Изъ сего слѣдуетъ, что законовъ не лзя ни изобрѣтать, ни составлять—Они только объясняются, будучи выводимы изъ самой природы вещей и ихъ отношеній.

7.

Каждый двузнаменательный законъ несправедливъ; ибо онъ наказуетъ не предостерегая. Наилучшій законъ есть тотъ, который меньше всего принуждаетъ судію къ розыскамъ и выводамъ.

8.

Недоумѣніе и недѣйствительность законовъ происходятъ какъ отъ ихъ многообразія и весьма краткаго изложенія, или излишняго распространенія слога, такъ и отъ раздѣленія и несогласія толкователей. Въ первомъ случаѣ бывають они темны и невразумительны; а въ послѣднемъ весьма часно случается, что приговоръ, силою ихъ вчера утвержденный, сего дни проповорѣчишь другому, на нихъ же основанному, и вовсе уничтожается.

Поелику никакой законъ не можеть предвидѣть всѣхъ возможныхъ случаевъ: то въ сомнительныхъ об-
стоятельствахъ благоразумный судія
всегда долженъ приговоръ свой прино-
равливать къ случаямъ извѣстнымъ и
опредѣленнымъ. — Общая польза рѣ-
шивъ тамъ, гдѣ законъ молчитъ, и
въ семъ отношеніи никакое обыкно-
веніе не должно быть уважаемо; ибо
пусть сверхъ заботы, чѣмъ не сдѣлать
худаго къ оному примѣненія, надле-
житъ еще опасаться, чѣмъ совершенно
не быть имъ управляему.

Всѣ тѣ случаи, кои не лзя при-
мѣнить къ общему праву и кои изъ
права сего имѣютъ исключеніе, долж-
ны быть тщательно опредѣлены за-
кономъ. Каждое *исключеніе* вообще есть
ничто иное, какъ только принадле-
жность, укрѣпляющая важность зако-
на. Но между тѣмъ ни что такъ близко
не подходитъ къ исключенію, какъ само-
произвольное распространеніе одного
случая на другой: почему гораздо луч-

ше при новомъ и никогда еще не-
вспрѣчавшемся обстоятельстве вы-
дать новый законъ, чѣмъ переспу-
тать предѣлы однажды сдѣланнаго
уже исключенія.

II.

Наипаче надлежитъ быть весьма
умѣреннымъ въ распроспраненіи на
разные случаи строгихъ и запрети-
тельныхъ законовъ. Здѣсь всякая изо-
брѣтательность оскорбляетъ чув-
ствованіе чловѣчества и явно про-
пигорѣчишь видамъ законодателя. Она
есть корень всѣхъ судейскихъ прово-
лочекъ и сътъ разспавляемая невин-
нымъ, прибѣгающимъ подъ покрови-
тельство законовъ.

12.

Многіе законы отъ перемѣны ве-
щей и времени бывающъ вовсе не
дѣйствительны и самую причину про-
исхожденія своего перяютъ въ опда-
ленной древности. Таковыя немедлѣн-
но должны быть уничтожены и иei-
наче опятъ возобновлены, накъ толь-
ко съ надлежащимъ примѣненіемъ ихъ
къ насшоющимъ обстоятельствамъ;

ибо сіи обспоятельствва никогда не
могущь бытъ пѣже самыя, какія бы-
ли прежде. — Все ихъ сходство естъ
только обманчивая пѣнь, въ которой
при почномъ и благоразумномъ испы-
таніи необходимо открываеиъся раз-
личіе. По сему всѣ подобія обспоя-
тельстввъ наспоющаго и прошедшаго
времени сомнишельны такъ, что судія
легко можеиъ приведенъ бытъ ими
въ заблужденіе. Законы заимствован-
ные изъ временъ невѣжества и вар-
варства не имѣюиъ ничего общаго съ
законами просвѣщеннаго вѣка—вели-
кая истинна, которую законодатель
никогда не долженъ выпускати изъ виду.

13.

Обыкновеніе съ продолженіемъ
времени чрезъ непрерывную цѣпь и
многочисленность своихъ примѣровъ
нерѣдко входитъ въ промежутки
закона, заступаеиъ его мѣсто, при-
нимаеиъ важность его и силу, и на-
конецъ совершенно обращаетъ въ
крошкѣй законъ. Но зашарѣлая зло-
употребленія никогда не могуиъ по-
теряти вредной силы своей и опиъ
долговременности сдѣлаиъся полез-
нымъ закономъ; угрюмая сѣдина ихъ

сама по себѣ пребуесть уничтоженіа своего, котораго ни на малѣйшее время и ни подъ какимъ видомъ оплагать не должно.

14.

Естьли по обстоятельствомъ пребуешия, чпобъ вновь вводимый какой законъ, или постановленіе подкрѣплены были силою примѣровъ: то сіи примѣры не должны заимствованы изъ временъ умѣренности и спокойствія, а не деспотизма и жестокости; ибо въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно суть чудовища, кои приносятъ съ собою одни только ужасы, опустошенія и несчастіе. Ненужно иши далеко, чпобъ найши неоспоримыя доказательства сей истинны: исторія всѣхъ временъ и царствъ достаточна намъ оныя представляеъ.

15.

Хотя примѣры ближайшихъ къ намъ временъ не всегда могутъ служить совершенною подпорою вводимаго вновь закона; ибо многіе люди большею частію почитаютъ ихъ неважными: однакожъ на всякой случай гораздо безопаснѣе заимствованы новѣйшими примѣра-

ми, чѣмъ древними. Первые покрайней мѣрѣ законъ умягчаютъ, а послѣдніе напрошивъ не рѣдко дѣлають его жестокимъ.

16.

Сѣдой древности надлежитъ внимать съ почтеніемъ, а слѣдовать съ осмощрительностію. Время приноситъ съ собою столь многія перемѣны и разнообразности, что казавшееся намъ прежде старымъ, нынѣ по несообразности и несовмѣстности своей съ насъпоющимъ положеніемъ вещей легко можетъ почтено быть новостью и даже необычайною чудесностію.

17.

Когда желаютъ придасть силу закона какому ни есть обыкновенію, или примѣру, то напередъ надлежитъ изслѣдовать основаніе, откуда сіе обыкновеніе или примѣръ происходятъ: естьли отъ проснаго народа, то не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія; ибо въ семъ случаѣ большею частію бывають двузнаменательны; естьлижъ отъ вышняго судилища, отъ собранія мудрыхъ и опытныхъ мужей,

по можно воспользоваться ими съ увѣренностію о будущемъ къ нимъ уваженіи. Однакожъ и здѣсь надлежитъ иногда обращаться къ дальнѣйшимъ истиннымъ ихъ источникамъ, испытывая основаніе побудительныхъ причинъ и узнавать числоту намѣреній и видовъ, къ коимъ онѣ клоняшся. Несправедливосшь, прикрывая завѣсою законовъ, есть изъ всѣхъ огорчительнѣйшая и всегда влечетъ за собою печальныя слѣдствія.

18.

Всякое постановленіе получаетъ гораздо болѣе довѣренности, когда совѣщанія объ ономъ предлагаются публикѣ открыто. — Въ такомъ случаѣ молчаніе народа обнаруживаетъ несомнѣнное къ оному уваженіе; но оставаясь въ реэспрахъ архивы, оно пребываетъ въ вѣчномъ снѣ и никогда не получаетъ всей своей важности.

19.

Когда законъ принятъ неблаго-склонно и въ большей части народа возбуждаетъ неудовольствіе: въ такомъ случаѣ надлежитъ не выдавать его до тѣхъ поръ, пока время не воз-

вращишь опять спокойствія. Однакожь роппаніе народа не всегда служишь доказательствомъ бесполезности закона, равно какъ хорошій успѣхъ кратковременнаго существованія закона не убѣждаетъ еще въ справедливости онаго.

20.

Примѣры суть ни что иное, какъ совѣты. — Они не доказываютъ, но только объясняютъ, а пошому и большей важности имѣть не могутъ. Прошедшее не имѣетъ никакого вещественнаго права на настоящее.

21.

Къ чему ломаешь голову надъ изобрѣщеніемъ карательныхъ законовъ? Никогда не лѣзя достаточнo ограничить жестокость навазаній — наипаче смертной казни. Можешь быть возразить мнѣ, что лучше изобрѣсти новыя, но умѣреннѣйшія наказанія, чѣмъ вовсе оставить преступленіе ненаказаннымъ. Но — для чего изобрѣщать наказанія? — Разумъ и чело-вѣчество, соединивъ гласъ свой во едино, предлагають законодащелю и судіи все, что они вразсужденіи сего

обязаны дѣлать. Естѣли они глухи, то напрасно шепчуть время на повтореніе всего того, что давно уже было проповѣдывано для ихъ сердца.

22.

Никогда не должно лишать чело-вѣка жизни за такое преступленіе, въ предпріятіи котораго онъ самъ подвергался опасности потерять оную. Подождите, чѣмъ законъ рѣшитель-но опредѣлилъ смертное наказаніе, прежде нежели вы оное исполните. Здѣсь всякая произвольная управа, можетъ быть, есть пятчайшее противъ законовъ посягательство, чѣмъ самое преступленіе.

23

Когда наказывать простое пред-намѣреніе преступленія есть жесто-кость: то предупреждать исполне-ніе онаго есть похвальнѣйшее дѣло крошости. Сіе бываетъ, когда пре-ступленіе еще въ самомъ зародышѣ своемъ прекращается и начинаніе она-го, заглаждаемое раскаяніемъ, нака-зывается токмо самымъ умѣреннѣйшимъ образомъ. Съ симъ договоромъ самъ Богъ прощаетъ: для чего же чело-вѣкъ

не подражаешь милосердой справедливости Его?

24.

Судія не есть рѣшитель, но только излагатель и блюститель законовъ; ему надлежитъ крайне быть осторожному, дабы подъ предлогомъ дополненія закона не поспавилъ на помясто другаго. (*) Самопроизвольныя сужденія разрывающъ нервы законовъ и ничего въ нихъ не оставляющъ, кроме словъ.

(*) Тамъ, гдѣ законы ясны и точны, должность судьи состоитъ только въ томъ, что бы объяснить дѣло. Если въ изысканіи доказательствъ преступленія требуется способность и проворство; если нужна точность и ясность, чтобы вывести слѣдствіе изъ сего изысканія: то для сужденія по одному слѣдствію ничего уже больше не надобно, кроме здраваго разсудка, который поведетъ гораздо вѣрнѣе всего знанія судьи, привыкшаго вездѣ находить виновныхъ и приводящаго все къ поддѣланной системѣ, основанной на его познаніяхъ. Блаженъ народъ, въ которомъ знаніе законовъ не составляетъ науки!

Естьли приговоръ судіи основывается всегда на неоспоримой истинѣ: то справедливость его не только никому не бываетъ спрашна, но еще больше пріобрѣтаетъ къ нему уваженія; и хотя каждое сужденіе свободно въ своемъ разумѣ, зависить единственно отъ воли судіи; однакожь онъ самъ подверженъ прибуналу справедливости, взывающей къ нему яснымъ гласомъ всеобщаго добра.

Естьли законы не точно опредѣлены и не отъ слова въ слово разумѣются; естьли единственное право судьи не въ томъ состоитъ, что онъ разбираетъ только, какое дѣло противно или согласно съ предписаннымъ закономъ; естьли правило справедливости и несправедливости, долженствующее управлять равно дѣйствіемъ невѣжды и человѣка просвѣщеннаго, не будетъ составлять для судьи простаго вопроса о учиненномъ поступкѣ: тогда гражданинъ всегда будетъ его невольникомъ.—Когда же особенно карательные законы разумѣются слово въ слово, такъ что всякой человѣкъ можетъ счесть и узнать точно вредъ, происходящій отъ

Есть еще такъ называемые ре-
проактивныя, или на прошедшее дѣй-
ствующіе законы, кои вспомошество-
ють предшествовавшимъ, распростра-
няя дѣйствіе ихъ на разные непред-
видѣнные случаи; но таковыхъ двуспо-
роннихъ законовъ, дѣйствующихъ и
на прошедшее и на будущее, должно
быть сколько возможно менѣе.

Репроактивной законъ долженъ
только поддерживать силу ему пред-

худаго дѣла и что нужно для отвращенія
его отъ онаго: тогда люди наслаждающі-
ся личной безопасностію своего имѣнія,
правомъ, для коего они соединились въ об-
щество, и хоща симъ способомъ граждане
пріобрѣтуть нѣкоторый духъ независи-
мости и свободы, не будутъ болѣе ра-
бами тѣхъ людей, которые слабостъ и
слѣпое повиновеніе ихъ прихотямъ на-
звали добродѣтелію; однакожъ неменѣе
всегда будутъ повиноваться законамъ
и высшимъ начальникамъ. Беккар. о пре-
ступл. и наказан.

шествовавшего и ничего въ немъ, какъ скоро онъ хорошъ, не перемѣняпъ; ибо всякая перемѣна влечетъ за собою движеніе и безпокойство, когда напрошивъ того подтвердительный законъ соблюдаетъ порядокъ и тишину.

28.

Обманъ скрывается подъ тысячею видовъ, дабы перехитрить законъ его преслѣдующій; но еслили онъ сдѣлать сіе успѣетъ, то надлежитъ спараться подвеспи его подъ силу новаго закона: тогда и первый и второй законъ взаимно будутъ помогать другъ другу, дабы схватить непріятеля, который спарается тайно пройти между ними.—Сколько съ одной спороны употребляется хитрости, столько же съ другой нужно имѣть прозорливости, чѣмъ обнаружить первую. Плутство нигдѣ не должно находить себѣ пристанища. Горе, когда честный человекъ не имѣетъ другой награды за праводѣтельность свою, кромѣ собственной своей совѣсти, и самая величайшая, гнусная несправедливость, какую только можно ему сдѣлать есть та, когда негодного и скры-

шаго обманщика оспавляють не наказаннымъ и въ явное поруганіе обиженнаго дозволяютъ еще свободно распочать похищенную имъ добычу!

29.

Каждый объясняющій законъ опносится къ прошедшему. По естеству своему онъ есть законъ вѣчный, искони въ самомъ существѣ вещей пребывающій, и со стороны своей ничего не имѣющій новаго, кромѣ того, что теперь спалъ бытъ извѣстенъ. Свойства справедливости суть таковы, что она открывається однимъ временемъ, когда обстоятельства заставляють внять его совѣту и не иначе выходить опъ взора людей, ее сокрывающей изъ мрачности, какъ по убѣжденію самой необходимости, которая умоляетъ его о помощи.

30.

Законы должны служить намъ вмѣсто факела въ темномъ и излучистомъ пупи нашей жизни; однакожь они большею частію суть препяпствія, на каждомъ шагу насъ удерживающія.

Новые законы составляющіяся для того, чѣмъ утвердить, или перемѣнить ими старыя, или вовсе сіи послѣдніе уничтожить; но вообще всѣ прибавленія къ законамъ по большей части ничего лучшаго не производятъ, какъ только увеличиваютъ ихъ накопленіе, больше смѣшиваятъ и нѣсколькими фунтами книгу законовъ дѣлаютъ тяжелѣе, а законоучительство не удобнѣе и пруднѣе. Несравненно бы бы лучше, есѣлибъ по примѣру Афинянъ, всѣ соспарѣвшіеся, съ настоящимъ въкомъ несообразныя и какъ самимъ себѣ, такъ и новымъ установленіямъ противорѣчащія законы, яко безполезныя и вредныя исключены были изъ кодекса природы, который бы чрезъ сіе очистился и значно уменьшился. — Безполезныя законы дѣлаютъ только то, что народъ привыкаетъ пренебрегать и полезными.

Законы въ рукахъ великаго множества кропашелей правъ, законниковъ и ябедниковъ, кажется, служатъ орудіемъ самому грабительству. Ос-

мѣлся только взглянуть на ужасное ихъ собраніе — одинъ уже взоръ опни-
маешъ всю бодрость у самаго неупо-
мимага духа. Изобрѣшательность ша-
ковыхъ излагапелей естъ сътъ ши-
канспва. Всѣ ссылки въ судебныхъ
палапахъ неопимѣнно должны бытъ
запрещены, выключая развѣ тошъ
случай, когда приводится самый за-
конъ; ибо чрезъ ссылки посшавляюшъ
одного челошъка супротивъ другаго
шогда, какъ должно судишъ и отдавашъ
справедливостъ, не полагаясь на об-
манчивую важностъ людей, но утвер-
ждаясь на истинномъ основаніи дѣла.

33.

И пакъ сколько возможно по-
спѣшнѣе и ревностно надлежитъ спа-
рашъся, дабы сдѣлашъ сокращеніе и
уничтоженіе законовъ, по времени
спавшихъ уже ненужными; ибо съ каж-
дымъ мгновеніемъ настоитъ опасностъ,
чтобы презрѣніе къ мершвымъ зако-
намъ не пало вмѣспѣ съ шѣмъ на жи-
вые и не распроспранило зла по
всему шѣлу законодательспва.

34.

Когда говоряшъ, что никто не
долженъ, почишашъ себя умнѣе закона,

что сіе разумѣется только въ отношеніи къ живымъ законамъ, а не къ тѣмъ, коихъ неупотребительность давно уже предала забвенію.

35.

Въ уложеніи Іустиніана находят-ся великая неудобность: онъ началъ преобразовывать ученіе правъ просвѣщеннаго вѣка въ то самое время, когда Имперія клонилась уже къ упадку. — Какимъ же образомъ произведе-ніе свѣта можно было улучшить во дни мрачности?

36.

Законы могутъ получить другой видъ, но слогъ, коимъ они писаны, всегда долженъ оставаться одинакой; я разумѣю чрезъ сіе, что онъ долженъ быть простымъ, вырази-тельнымъ и неимѣющимъ ничего общаго съ варварскимъ; онъ долженъ носить на себѣ оппечатоки своего времени, какъ ясный и непремѣняемый текстъ письма.

37.

Политическіе законы паче всего должны быть писаны ясно; про-

странное предисловіе къ нимъ совершенно излишне, хотя оно нѣкоторымъ образомъ и служишь въ предуготовленію законодапеля ; начало же оныхъ должно составлять выраженіе повелительное. — Опличительный признакъ свободнаго духа есть простой, наивный способъ изъясненія мыслей ; а лживость всегда познается по украшенію, которымъ она хвастается и по тону глупой своей важности. Предложенія ея подобны пѣснямъ сирены: запкнипеваши уши, какъ Улиссъ, еспьли хошипе избѣжашь Сциллы и не попась въ Харибду.

38.

Законы не составляютъ правилъ для правъ: правила общи, законы же не таковы; правила руководствуютъ, а законы повелѣваютъ; правила служатъ магнитной стрѣлкой, а законы суть компасъ.

39.

Порядокъ законовъ есть якорь, на которомъ они утверждаются точно такъ, какъ и сами служатъ подпорою Государству. Но сей якорь не

всегда можешь удержатъ корабль нашъ
 въ гавани и волны бурнаго моря часто
 уносятъ насъ на хребтахъ своихъ.
 Чпожъ тому виною? Либо поспѣш-
 ность судіи, либо ненавистная рев-
 ность судебныхъ мѣстъ; либо темное
 и обоюдное выраженіе приговора; ли-
 бо наконецъ легкость переносить
 свою жалобу и надежда получить уни-
 чпоженіе приговора. Споръ судебныхъ
 мѣстъ есть спасительное средство
 противъ врожденной человѣчеству сла-
 бости; но еслии шупъ вмѣшается
 ложное имя чести, то оно доверша-
 етъ погибель правосудія. Какой стыдъ
 видѣть вражду и раздоръ между чело-
 вѣками, поставленными къ соблюде-
 нію мира! — Удобнѣйшее средство
 къ предупрежденію сихъ непріязнен-
 ностей состоишь въ томъ, чпобъ
 никакой судъ не могъ уничтожить
 приговора подчиненнаго ему мѣста и-
 наче, какъ развѣ когда обстоительствва
 неопмѣнно того пребуютъ: но въ
 такомъ случаѣ надлежитъ приступать
 къ дѣлу сему съ величайшею поща-
 дою, дабы приговоръ низшаго суда
 привести только въ забвеніе, нима-
 ло не повреждая шѣмъ его чести и
 важности.

Познакомтесь съ философіею превосходнаго Бакона, чипайте шворенія сего безсмертнаго мужа, и вы откроете источникъ, откуда почерпнуты не многія сіи правила о законодательствѣ.

Я могъ бы представить здѣсь неоспоримыя доказательства превосходства Баконовой теоріи; но какъ дѣйствительный примѣръ гораздо убѣдительнѣе всѣхъ краснорѣчивыхъ умствованій: то и приведу здѣсь только одинъ, однакожь самый разительный во всемірной исторіи — примѣръ Героя, представляющаго въ лицѣ своемъ какъ превосходнаго гражданина, воина и политика, такъ мудраго преобразователя и законодавца обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи — примѣръ Петра I, во всѣхъ отношеніяхъ по справедливости названнаго Великимъ. Если правда, что гражданскіе законы почти всегда дѣлаютъ людей или добрыми, или злыми, судя по тому, на какую сторону наклоняютъ ихъ спраси: то безошибочно можно утверждать, что Петръ I былъ единственныи между всѣми древними и новыми законодателями, который

зналъ всѣ истинные источники добра и зла и причины какъ общественныхъ не порядковъ, такъ и проступковъ каждаго члена общества; ибо онъ одинъ только не отдѣлилъ уголовныхъ законовъ въ особенную часть отъ гражданскихъ и неупомимо занимался усовершенствованіемъ послѣднихъ, дабы сколько возможно сообразить ихъ съ естественствомъ человека и исправить недоспадки и неясности ихъ, кои, казалось, были начертаны перомъ самаго жестокосердія.

Главнымъ правиломъ его было, что народъ имѣетъ наилучшую форму политическаго правленія, какъ скоро даны ему наилучшіе уголовные законы. Споспѣшь только взглянуть на инструкціи его, въ коихъ правила гражданской юриспруденціи и уголовное право изложеніи вкупѣ съ уложеніемъ военнымъ, дабы увѣришься, что великій оный Монархъ внутренно убѣжденъ былъ сею истинною, и что самый деспотизмъ тогдашняго времени не могъ испребить въ сердцѣ его чувства справедливости. Сей законодатель думалъ, что единство, простота и ясность споль же существенно принадлежатъ къ политическому учреж-

денію Государства, сколь необходимы онъ въ швореніяхъ природы и искуства.

При всей строгости, которая заимствовала нѣчто отъ дикости самаго вѣка и націи, онъ гнушался тѣхъ ужасныхъ пріемовъ, съ каковыми по уголовнымъ законамъ розыскивали тогда какъ малѣйшее, такъ и дѣйствительно важное преступленіе. Кодексъ *Имерія* почишалъ онъ гибельнымъ для людей произведеніемъ, въ которомъ законы, судебные процессы, пытки и тому подобныя несправедливости, умножены были до безконечности съ тѣмъ только, дабы доставить новые испочки хищническому членовъ правосудія, поспѣшествоующіе раззоренію семействъ и по необходимому слѣдствію самой всеобщей гибели.

Наиболѣе всего, кажется мнѣ, заслуживаетъ вниманіе законодателя то средство, которое Пепръ I употреблялъ къ предупрежденію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію числа преступленій. Оно состояло въ томъ, что *участнику въ преступленіи* положено было несравненно строжайшее наказаніе, нежели *самоу виновнику*—Роковая минута, рѣшающая послѣдній шагъ къ преступленію, можетъ быть,

была бы еще отвращена, еспьли бы сей несчастный не встрѣпилъ соумышленника, который его поощряетъ; по чему законы должны все свое вниманіе обращать на соучастничество, дабы во всякомъ случаѣ предупреждать оное назначеніемъ спрожайшаго наказанія.

Петръ Великій принявъ отважную мысль уничтожить оспайю несовершеннаго законодательства своихъ предшественниковъ, и вмѣстѣ того воздвигнуть новое зданіе, копорому бы основаніемъ служилъ самый разсудокъ, руководимый правомъ еспественнымъ, въ 1710 году приступилъ къ изданію уставовъ: гражданскаго, уголовнаго, воинскаго и морскаго, кои всѣ должны были быть просты, сообразны съ общимъ начертаніемъ, ясны въ своемъ раздѣленіи и написаны природнымъ языкомъ такъ, чпобъ всѣмъ и каждому могли быть вразумительны.

Между тѣмъ, какъ онъ совершалъ планъ законодательства — сего безсмертнаго творенія, оставленнаго имъ потомству, съ восторгомъ благословляющему его имя-Государь сей занявъ былъ еще особенно нравственною ча-

спію общественнаго воспитанія. Съ сей стороны для уничтоженія злоупотребленій онъ желалъ, дабы родители, дѣти, граждане обоого пола, каждаго возраста и состоянія и всѣ вообще заимствовали свои познанія, — познанія должностей, охоту къ ихъ исполненію и взаимную любовь и уваженіе другъ къ другу, изъ одного источника народнаго ученія. —

Законы безъ помощи нравовъ во все, или почти ничего не могутъ сдѣлать; по чему дабы дать силу первымъ, онъ старался напередъ возстановить чистоту послѣднихъ. Нерадиваго отца почиталъ онъ и дурнымъ гражданиномъ, а относительно богатыхъ и знатныхъ не хотѣлъ, чѣмъ бы они были невѣждами, но чѣмъ совершенно соответствовали занимаемому имъ званію, и пошъ кто осмѣливался вести себя противъ благонравія, всегда былъ строго наказанъ его проспію. Первое свое вниманіе обратилъ онъ къ просвѣщенію своихъ подданныхъ, дабы чрезъ то нравы ихъ сдѣлать лучшими; худые же поступки старался предупредить полезными учрежденіями, и на послѣдокъ тѣхъ преступниковъ, для исправленія коихъ

уже всѣ усилія оспаются щетными, повелѣвалъ примѣрно наказывать. (*)

Проницательность Россійскаго Монарха вскорѣ открыла, что сѣмя всѣхъ пагубныхъ для Государства преступленій хранился какъ въ общемъ духѣ неправопелъностей и безпорядковъ, такъ и въ самомъ Правленіи, допускающемъ сіи безпорядки. Для чего онъ щательно спарался уничтожить оныя, заводя повсюду согласіе и устройство и налагая узду на всѣ пагубныя спраси. Вельможа

(*) Хотипель предупредишь преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе сопровождало свободу. Чѣмъ болѣе распространяются науки, тѣмъ болѣе уменьшается зло, влекущееся за оными, и умножается польза, отъ нихъ происходящая. Дерзкой обманщикъ (который никогда не бываетъ обыкновеннымъ человекомъ) обоготворяется народомъ невѣждою, а просвѣщенный человекъ его презираетъ. Отъ просвѣщенія, изобильно распространенаго между народомъ, шрепещетъ всякая власть, невооруженная разсудкомъ, а одна только сила закона оспаешся неподвижной. Беккар. о прест. и наказан.

его не дерзалъ отвергнуть слезъ и просьбы бѣднаго; ибо иначе самъ Государь, который какъ истинный отецъ своего народа всегда и всякому дозволялъ къ себѣ доступъ и не рѣдко лично свидѣтельствовалъ учрежденныя имъ правленія, былъ бы спрогимъ его судіею; распочитель своего имѣнія и раззоряющій крестьянъ немедленно лишались непосредственной своей власти и не иначе могли собирать и упопрелять свои доходы, какъ только чрезъ посредство опекуновъ и попечителей; однимъ словомъ: распределение всѣхъ наказаній, соотвѣстныхъ каждому роду проступковъ и преступленій, было сдѣлано имъ столь благоразумно, что заслуживаетъ всякаго удивленія. Начинаясь выговоромъ и лишеніемъ чести—наказаніями, установленными для пѣхъ, кои хотя не учинили никакихъ злыхъ дѣяній, однакожь вели жизнь постыдную и порочную — распределение сіе въ самой почвѣйшей соразмѣрности постепенно восходило до наказаній, полагаемыхъ за такіа преступленія, которыя уже сами собою печатають позоромъ чело преступника.

Другая черта, не меньше въ поведѣніи сего законодателя примѣчательная, есть та, что онъ спрочайшимъ образомъ наказывалъ такіа пресупленія, кои хотя и не всегда суть самыя величайшія, но по вліянію своему гораздо опаснѣе тѣхъ, о коихъ слышно только изрѣдка; — къ сему роду относились несдержаніе даннаго слова, утайка ввѣренной вещи, неправоe исполкованіе и непочное исполненіе начальническихъ приказаній, клятвопресупленіе и святопапство, насиліе, похищеніе казны, умышленное банкротство, ложное свидѣтельство, и вообще всякаго рода обманъ и ложь, никогда пощады у сего Монарха не обрѣтавшіе; ибо ложь изъ всѣхъ пороковъ для общесства есть опаснѣйшій. — Она рѣдко бываетъ одна, но большею частію сопровождается другими, влекущими по ея стопамъ ужасныя для Государства бѣдствія. — Поруганная честность, погасшая довѣренность, пороча на краю гибели, раззореніе гражданъ, смѣшеніе соспояній и-невинность влекомая на казнь — вопъ непре-

мѣнныя , печальныя слѣды коварнаго злодѣя! (*)

Чтобъ смягчить нѣкоторымъ образомъ чрезмѣрную жестокость уголовныхъ законовъ, сей мудрый и благородный Монархъ отвергнулъ въ оныхъ всѣ ненавистныя и сомнительныя средства, чрезъ кои, думаятъ, можно безошибочно изыскать истинну, и начерпалъ слѣдующія главные правила:

1. Донощикъ долженъ быть извѣстнаго благонравія, дабы жалоба его могла быть принята съ уваженіемъ.

(*) Самыя спрожайшія наказанія, говоритъ Фенелонъ, надлежитъ о предѣляхъ за тѣ пресупленія, коихъ предотвращить не возможно. Подлинно самое истинное для общества благодѣяніе есть то, когда начальный примѣръ прекращаетъ путь дальнѣйшей несправедливости, — когда нѣсколько капель крови, пролитыхъ въ приличное время, останавливаютъ источники оной, и проч. Но здѣсь слѣдуетъ еще присовокупить, что законодателью и судіи необходимо должно имѣть и сердце и душу сего апостола челоуѣчества, дабы изъ приведеннаго нами его правила не произошло ни малѣйшаго злоупотребленія.

2. Какъ обвинитель, такъ и обвиняемый являющіеся въ судъ лично и изъясняющіе свои требованія одинъ въ присутствіи другаго.

3. Каждая сторона имѣетъ право просить о перемѣнѣ того изъ судей, коего приспращенія по основательнымъ причинамъ можетъ спрашиваться.

4. Обвиняемый не только можетъ имѣть защитника своего дѣла, но и посредника (снряпчаго) между собою и судіями, который поспавляется уже отъ самаго правительства съ обязанностію пещись, дабы правосудіе соблюдалось въ точной силѣ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ безъ всякаго лицепріятія.

5. При розысканіи виновника преступленія судія всячески обязанъ стараться защищать свободу состоящаго въ подозрѣніи, или дѣйствительно обвиняемаго: ибо само собою разумѣется, что безъ точнаго изслѣдованія никто осужденъ быть не можетъ. На сей конецъ дабы еще болѣе оградить безопасность подсудимаго, законодатель за лучшее почелъ учредить, чпобъ на извѣстное время выдавалась ему такъ называемая явная гра-

люта, съ копорою онъ могъ бы безъ всякаго опасенія предсипать предъ судъ для своего оправданія шакъ, чпо уже въ семъ случаѣ никто не осмѣливался задержатъ его, не подвергая чрезъ то самага себя спрожайшей отвѣтственности.

6. Всѣ пункты обвиненія должны бытъ предложены отвѣтчику лично въ присудствіи судей и просителя и не индѣ гдѣ, какъ только въ опредѣленномъ къ тому судебномъ мѣстѣ; ибо всякой пайной допросъ, гдѣ споль легко можно овладѣть рѣчью и мыслями человека, естъ сомнительнъ и прошивенъ праву естественному. (*)

(*) Тайное обвиненіе естъ явное злоупотребленіе, но принятое иѣкоторыми народами. Оно бываетъ необходимымъ по мѣрѣ слабости правленія и дѣлаетъ людей лживыми и коварными. Тотъ, кто можетъ подозрѣвать, чпо согражданинъ его доносчикъ, скоро узритъ въ немъ врага; тогда привыкаютъ шайтъ свои чувства, а привыкая скрывать оныя отъ другихъ, привыкутъ скоро сокрывать ихъ и отъ самихъ себя. Горе людямъ, дошедшимъ до такого состоянія! Они блуждаютъ по проспанному морю, спа-

7. Во всѣхъ уголовныхъ случаяхъ публичный розыскъ починалъ онъ необходимымъ для того, дабы съ одной стороны предотвратить всѣ тайные

раясь только укрыться отъ доносчиковъ, которые походятъ на чудовищъ, ихъ устрашающихъ. Неизвѣстность будущаго оправляетъ для нихъ горечью настоящее время; лишася пріятностей спокойствія и безопасности, нѣсколько радостныхъ мгновений, кое гдѣ разбросанныхъ въ теченіи плачевныхъ дней ихъ, и которыми они весьма мало наслаждаются, едва утѣшаютъ ихъ въ жизни сей! — Между такими людьми можно ли отыскать неустрашимыхъ воиновъ, защитниковъ престола и отечества? можно ли отыскать беспристрастныхъ судей, которые съ свободнымъ и непріимчивымъ краснорѣчіемъ умѣли бы объяснить и поддерживать истинную пользу Государя; которые съ податливыми приносили бы къ престолу любовь и благословеніе гражданъ, а отъ онаго разносили бы по черпугамъ знатныхъ и по смиреннымъ хижинамъ убогихъ безопасность, миръ, и надежду исправить свое состояніе чрезъ трудолюбіе, воспита-

способы изслѣдованія, подъ коими можешь скрываться несправедливости, а съ другой предупредишь раззореніе подсудимаго, который часто видишь

вляющее—какъ кислота въ броженіи, жизненную силу Государствъ?

Кто можетъ защищаться отъ клеветы, если она вооружена тайною, непроницаемымъ щипомъ тиранства? Какъ бѣдно то правленіе, въ которомъ Государь думаетъ видѣть себя врага во всякомъ своемъ подданномъ и щипаетъ себя принужденнымъ для общественнаго спокойствія нарушать спокойствіе каждаго гражданина. Что же можетъ оправдать тайныя обвиненія и наказанія? Все-народное ли спокойствіе, или сохраненіе образа правленія? Надобно признаться, что весьма странно то государственное постановленіе, въ которомъ правленіе, имѣющее уже за себя силу и мнѣніе, спрашивается еще всякаго частнаго человека!—Безопасность ли доносителя? По этому законы недовольно его защищаютъ, по этому есть подданные, которые гораздо сильнѣе Государя и законовъ? Необходимость ли спасти его отъ безчестія? Это все равно, что въ одномъ и томъ же Государствѣ явную клевету будутъ

себя принужденнымъ или взять для спасенія своего прибѣжище къ деньгамъ, или — когда щастіе оказало ему въ сей помощи, непосредственно сдѣлаться жертвою коварства и же-

наказывать, а тайную одобрять. — Существо ли пресупленія? Если дѣла пустыя, или даже полезныя для общественнаго благосостоянія, будутъ обвиняться и наказываться, какъ противныя законамъ, то причина еѣ справедливо; ибо въ семъ случаѣ нельзя довольно прикрыть тайною обвиненія и осужденія. Но можетъ ли быть какое злодѣяніе, то есть, нарушеніе правъ общества, которое не касалось бы до всѣхъ и не требовало бы попому наказанія явнаго? — Такого иногда бываетъ существо обстоятельствъ, что злоупотребленіе находится въ самомъ составѣ государственнаго постановленія и что кажется нельзя его искоренить иначе, какъ разруша все политическое тѣло. Но если бы случилось мнѣ въ какомъ нибудь уголку свѣта написать новые законы, то попомство представляясь всегда глазамъ моимъ, остановило бы пренеющую мою руку и не допустило бы до подобнаго обычая.

спокоши. Такимъ образомъ повелѣвая всѣ изслѣдованія преступленій—чего въ прежнее время тщательнѣе избѣгають старались—производитьъ публично. Онъ хотѣлъ симъ вовсе уничтожитьъ въ Царствѣ своемъ то жестокое правосудіе, которое для наказанія виновнаго само окупывается въ тайный мракъ преступленія.

8. Дабы дать одинакій ходъ изслѣдованію жалобы и оправданію, то какъ съ одной, такъ и съ другой стороны принимаются свидѣтели; судья соединяетъ всѣ подобныя обстоятельства, и замѣчаетъ разногласія, не опуская изъ виду ни малѣйшей вещи, могущей послужить въ пользу обвиняемаго, и тогда какъ истецъ старается увеличить преступленіе, онъ долженъ дать мѣсто всѣмъ оправданіямъ, которыя могли бы обезсилить, или и вовсе уничтожить приносимую на него жалобу.

9. Всякій процессъ сколько возможно надлежитъ производить короче и всѣ беззаконныя проволочки запрещаются подъ снѣгающимъ наказаніемъ; почему судья шѣмъ паче долженъ стараться, дабы изслѣдованіе уголовного дѣла оканчивалось скорѣе,

и безъ малѣйшаго пристрастія. Пётръ Великій былъ совершенно увѣренъ въ сей истиннѣ, что немедлѣнное и безпрерывное способствованіе къ окончанію процесса какъ для общества, такъ и для обвиняемаго равно выгодно. —

10. Допуская доказательство чрезъ свидѣтелей, Онъ однакожь опровергаетъ свидѣтельство людей порочныхъ и подозрительныхъ. (*) Законы Его именно означаютъ качества тѣхъ, кои должны быть почиаемы за честныхъ и правдолюбивыхъ, и во избѣжаніе всякой въ семъ случаѣ ошибки, опредѣляютъ точно какъ достоинство и

(*) Опредѣлишь точно начальныя правила, отъ которыхъ зависить имовѣрность свидѣтелей и сила доказательствъ преступленія, есть вещь весьма важная во всѣхъ законоположеніяхъ. Всякой здраво мыслящій человекъ, т. е. котораго мысли имѣютъ между собою нѣкоторую связь, а чувства сходны съ чувствами ему подобныхъ, можетъ быть свидѣтелемъ: но вѣру, которую къ нему имѣть должно, надобно измѣрять причиною, для коей онъ захочетъ, или не захочетъ сказать истинну. Беккар.

число свидѣтелей, такъ и качество уважительныхъ доказательствъ, запрещая строго не принимать за основаніе къ приговору какой либо правдоподобности и только по видимому истинныхъ причинъ.

11. По совершенномъ изслѣдованіи лицъ и качества свидѣтелей, судья переходящъ уже къ изслѣдованію доноса, который при надлежащей ясности не долженъ заключать въ себѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Но сначала надлежитъ ему выслушивать каждаго свидѣтеля особо, дабы во всякомъ случаѣ чрезъ разногласіе ихъ можно было открыть, не находится ли въ доносѣ какого умышеннаго подлогу, а потомъ всѣ уже свидѣтели сходящіяся на очную ставку и допрашивающія вмѣстѣ съ обвиняемымъ.

12. Дабы въ сомнительныхъ случаяхъ посредствомъ свидѣтельствъ доносителей и догадокъ, выведенныхъ изъ всѣхъ признаковъ преступленія, вѣроятіе и доказательнѣе можно было изобличить, или оправдать обвиняемаго, Цесрь Великій предписалъ чтобъ судья основывался всегда не на одной только извѣстности дѣла, но и на вѣрности доказательствъ.

13. Напоследокъ когда нравствен-
но совершенныя доказательства сами
собою опровергають уже невинность
обвиняемаго то судья рѣшительно мо-
жетъ учинить приговоръ свой. Какъ
же скоро нѣтъ совершеннаго доказа-
тельства, то присяга подсудимаго
уничтожаетъ всю жалобу и судья
имѣетъ право объявить его невиннымъ.

Я немогу не замѣтить здѣсь, что
не всегда возможно утвердить жало-
бу на обвиняемаго и изобличить его
чрезъ нравственно совершенныя дока-
зательства, которыя ведутъ толь-
ко къ очевидности; виновный, можетъ
спастись, посредствомъ коварныхъ и
лукавыхъ отвѣтовъ будешь въ соспо-
яніи большею частію оправдать себя;
но между тѣмъ подозрѣніе на него
столько основательно, что никакъ
не лзя почестъ его невиннымъ, и
здѣсь то встрѣчается случай, гдѣ при-
бѣгають къ мученіямъ и пыткамъ, дабы
привести его къ чистому признанію.
Я ничего не скажу о томъ, что подо-
зрѣваемый и при всѣхъ основательнѣй-
шихъ причинахъ все еще можетъ быть
невиннымъ, и такимъ образомъ невин-

но мучень и невинно осужденъ къ смер-
ти, какъ уже и не однажды таковыя
печальныя произшествія бывали. (*)
Спюль многія могуць вѣспрѣшпгься
обстоятельствва, совершенно между
собою подобныя, что при нихъ не
оспаеися почти ни малѣйшаго со-
мнѣнія къ осужденію. Сходство лицъ,
спана, имени, одежды, состоянія,

(*) Никто не можетъ считаться за преступ-
ника прежде судейскаго приговора и
общество не можетъ лишить его своей
защиты, прежде нежели доказано будетъ,
что онъ нарушилъ обязательства, подъ
которыми получилъ ее. Еслии такъ, то
какое право, кромѣ права и силы, можетъ
дать власть судѣ, положить наказаніе
гражданину, когда еще неизвѣстно, ви-
новатъ ли онъ, или правъ! Очень легко
можно разобрать: извѣстно, или нѣтъ,
преступленіе? Еслии оно извѣстно, то
должно наказатъ его по законамъ, слѣд-
ственно пытка не нужна, какъ и самое
признаніе обвиненнаго. Еслииже престу-
пеніе неизвѣстно, то не надобно мучить
обвиняемаго, потому что не должно му-
чить невиннаго, а по законамъ тотъ не-
виненъ, чье преступленіе не доказано.
Беккар.

промысла и проч. также одинакость
 времени и мѣста могутъ совершенно
 обмануть свидѣтелей, заставивъ по-
 чесь одного за другаго, и сіе тѣмъ
 легче, что многіе вовсе никакихъ,
 или только неправильныхъ имѣютъ
 понятія о свойствахъ и качествахъ сви-
 дѣтеля и свидѣтельства. Сверхъ по-
 то должно примѣнить, что свидѣтель
 можетъ быть видѣль однимъ толь-
 ко мелькомъ, или въ темнотѣ, нѣсколь-
 ко минувъ позже, или даже довольно
 уже спустя времени послѣ того, какъ
 преступленіе совершилось; почему и
 не имѣлъ догадки, дабы разсмотрѣвъ
 всѣ отличительные признаки пре-
 ступника. Такимъ образомъ слабое
 впечатлѣніе на него сдѣланное въ по-
 слѣдствіи вовсе теряется. Теперь
 приходишь онъ обличить человека,
 который можетъ быть, не есть дѣй-
 ствительный преступникъ, но по не-
 счастію имѣетъ съ нимъ нѣкоторое
 подобіе. У него одинакое платье, та-
 кіе же волосы, тошъ же ростъ и тошъ
 же станъ: тогда въ половину изчезнув-
 шая уже мысль свидѣтеля возбуждае-
 ся; воображеніе его дополняетъ то,
 чего не достаешь къ совершенному
 сходству и онъ думаетъ, что дѣйстви-

тельно того самого видѣлъ, который и теперь у него предъ глазами. Далѣе еще бываетъ, что свидѣтели болѣею частію суть необразованные, боязливые и глупые люди, для коихъ позывъ предъ судъ есть какъ бы ударъ въ сердце: тамъ объемлешь ихъ холодный трепетъ; они теряются въ мысляхъ, запинаясь; судья выведенный изъ терпѣнія обходитъ съ ними не осторожно и сгорая нетерпѣливымъ желаніемъ скорѣе оставить сіе спрашивное мѣсто — которое часто предразсудокъ изображаетъ имъ преддверіемъ ада—они представляютъ свидѣтельство свое противъ несчастнаго, на все опивчають: да! и — утверждаютъ сіе клятвою.

Но положимъ, что все сіе и не всегда можетъ случиться; возьмемъ въ разсмотрѣніе два только случая: или преступленіе такого рода, что опъ совершенной свободы обвиняемаго надлежитъ спрашивъ величайшаго зла для цѣлаго Государства, такъ на примѣръ, когда подозрѣваютъ его въ измѣнѣ, грабежѣ, зажигательствѣ и тому подобномъ; или таково, что свобода обвиняемаго никакого опаснаго слѣдствія произвести не можетъ.

Въ первомъ случаѣ еспѣли ничто не въ состояніи извлечь преступника изъ подозрѣнія и только не достаешь собственнаго его признанія, чѣмъ произнесешь надъ нимъ рѣшительный приговоръ: можно взять его подъ стражу, или посадить въ крѣпость, опредѣливъ соразмѣрную силамъ его работу; въ другомъ же случаѣ по учиненіи имъ присяги можно освободить его подъ условіемъ, явиться къ суду по первому позыву, и предоставить между тѣмъ бдительной полиціи, дабы она не теряя никогда сего человека изъ виду, тщательно замѣчала всѣ его слѣды и поступки, подслушивала его слова, и когда онъ виновенъ, то конечно не избѣжитъ своей участи. Въ напурѣ злаго находився нѣчто такое, что случившаяся съ нимъ бѣда рѣдко его исправляетъ и дѣлаетъ умнѣе. Онъ всегда почируетъ такое произшествіе за несчастіе и слѣдствіе своей нераспорочности и поступаетъ опять по прежнему, располагая только дѣла свои съ болѣею осторожностію. Однакожъ всѣ старанія и предосторожности, которыми онъ думаетъ наиболѣе себя обезопасить немедленно починѣшимъ об-

разомъ его обнаруживаютъ. Но если-
ли положимъ при семъ, что онъ бу-
дучи дѣйствительнымъ преступни-
комъ, радуется теперь, что на сей
разъ столь счастливо опдѣлался, и
узнавъ опасность, которой подвер-
гался, ведетъ себя такъ, что полиція
тщательно усугубляетъ за нимъ надзоръ
свой и видитъ изъ всѣхъ его поступ-
ковъ, что онъ дѣйствительно испра-
вился: то не гораздо ли больше вы-
игрываетъ Государство чрезъ сіе, не-
жели чрезъ смерть его? И еслили не
такъ, то для чего самъ Господь из-
рекъ, что на небеси болѣе радуют-
ся объ одномъ грѣшникѣ кающемся,
чѣмъ о 49 праведникахъ?

Судебныя доказательства — го-
ворить одинъ юриспрудентъ, коего
всѣ творенія носятъ на себѣ отпе-
чатокъ глубокихъ познаній и человѣ-
колюбія — судебныя доказательства
должны имѣть характеръ очевидно-
сти и дѣйствительной извѣстности;
однакожь онѣ болѣе шаковы, что
всегда подають поводъ къ величай-
шимъ злоупотребленіямъ въ уголов-
ныхъ законахъ. Пётръ Первый не
пропустилъ ничего, что только мо-
жетъ обезопасить судью отъ всякой

погрѣшности и злоупотребленія, въ кои легко ему впассть чрезъ доказательства. Кодексъ Россійскаго Законодателя весьма различается отъ другихъ уголовныхъ законоположеній — отъ шѣхъ, въ коихъ доносъ принимается за доказательство, а сіе за самую истинну; въ коихъ жизнь человека вычисляется по количеству свидѣтелей, и есѣли не достаеѣтъ къ онымъ хотя одного, то приспупаюѣтъ къ пынкѣ, гдѣ признаніе, изпортнутое у несчастнаго мученіемъ, почиѣаюѣтъ уже несомнѣтельнымъ доказательствомъ. — Есѣли и добровольное признаніе кажется быѣтъ больше дѣйсѣвіемъ сумазбродства, оскорбляющаго первый законъ природы — законъ самосохраненія: то вынужденное признаніе должно быѣтъ такимъ ужаснѣйшимъ преступленіемъ, противъ коего и разумъ и человѣчество и самая справедливосѣтъ возносяѣтъ жалобный гласъ свой къ престолу Всемогущаго и Высочайшаго Судіи всѣхъ человѣковъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Kodeks ili zakonopoloženie čelověčeskago razuma

V Sanktpeterburgě 1817

Ph.pr. 1409 m

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10042533-6